

Вадим Юрятин

ДЕТИ
ЭЛЬЦИНДА

Вадим ЮрЯТИН
Дети Эльцинда

«Эдитус»

2016

Юрятин В.

Дети Эльцинда / В. Юрятин — «Эдитус», 2016

ISBN 978-5-00058-365-4

«...Идея этой книги родилась у автора достаточно давно, но не могла быть реализована в силу достаточно плотного рабочего графика. Лишь болезненное состояние, вызванное, как сейчас очевидно, как раз чрезмерной трудовой активностью, позволило на какой-то момент вырваться из оков окружающей действительности и посвятить себя творчеству. Лёгкая неадекватность автора в период написания сей книги нашла свое отражение в тексте, однако переделывать написанное «на свежую голову» означало бы фактически лишать её как раз того, чем она может быть интересна. Тем же, кто с негодованием обнаружит в книге некие (несуществующие на самом деле) неподобающие оттенки, могу пояснить: автор никогда и ни при каких обстоятельствах не придерживался и не придерживается националистических взглядов, также он далеко не всегда разделяет мысли и поступки своих героев...»

ISBN 978-5-00058-365-4

© Юрятин В., 2016

© Эдитус, 2016

Содержание

Предисловие	5
Введение, или О том, как написать хорошую книгу	6
Пятый сон Вадима. В бане у Романовича. Москва. Вечер Того Самого Дня	7
Вечер Того Самого Дня. Юрятин. Случай на мини-рынке (начало)	8
Глава, в которой мы знакомимся с Вадимом Чехолто и узнаём некоторые факты из его биографии	10
Вадим начинает своё путешествие в красном юрятинском трамвае.	15
Юрятин. Вечер Того Самого Дня	
Первый сон Вадима. Москва. Середина Того Самого Дня	16
Глава, в которой мы знакомимся с Большим	19
Утро Того Самого Дня. Юрятин. Ссора Вадима и Мэри	21
Более подробное знакомство с Большим	24
Эспланада и Амфитеатр. Юрятин. Вечер Того Самого Дня	27
Знакомство с Михал Михалычем. Юрятин. Полтора месяца до Того Самого Дня	28
Второй сон Вадима. Москва. Середина Того Самого Дня	31
Большой вспоминает о первом визите в еврейскую школу. Юрятин. За два месяца до Того Самого Дня	36
Вадим едет в командировку. Юрятин-Акда. Тот Самый День. Утро	38
Собеседование Большого. Юрятин. За два месяца до Того Самого Дня	41
Вадим и его коллеги на маслосырзаводе. Акда. Середина Того Самого Дня	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вадим Юртин

Дети Эльцинда

*Моей жене Кате,
Любови Александровне Проскурниной,
Борису Николаевичу Ельцину,
Александрю Александровичу Зотову*

«– А ты слышала, что Ельцин-то вовсе и не Ельцин, а Эльцинд! Он у них самый главный и есть, верховный, значит!

– Да ты что?!

– Да! И жена у него Иосифовна!»

Из разговора в трамвае.

«Грёбанные сновидения, причина всех несчастий рода людского..., если бы я был Богом, я бы полностью вырезал изображение из людей, и тогда, быть может, бедные убудки вроде меня смогли бы славно выспаться ночью».

Салман Рушди, «Сатанинские стихи».

Предисловие

Идея этой книги родилась у автора достаточно давно, но не могла быть реализована в силу достаточно плотного рабочего графика. Лишь болезненное состояние, вызванное, как сейчас очевидно, как раз чрезмерной трудовой активностью, позволило на какой-то момент вырваться из оков окружающей действительности и посвятить себя творчеству. Лёгкая неадекватность автора в период написания сей книги нашла свое отражение в тексте, однако переделывать написанное «на свежую голову» означало бы фактически лишать её как раз того, чем она может быть интересна. Тем же, кто с негодованием обнаружит в книге некие (несуществующие на самом деле) неподобающие оттенки, могу пояснить: автор никогда и ни при каких обстоятельствах не придерживался и не придерживается националистических взглядов, также он далеко не всегда разделяет мысли и поступки своих героев.

Кстати, о героях. Если кто-либо из читателей случайно начнёт подозревать автора в использовании своего образа в качестве прототипа, то постараюсь его успокоить: это всё написано не про Вас и уж точно не против Вас, как, впрочем, это всё написано и не про автора. Всё было не так, не с теми, не здесь, и, вообще, всё это выдумка. Я просто пытался вспомнить то, чего никогда не было. Единственный же человек, чей образ выписан достаточно выпукло и узнаваемо, упомянут автором в посвящении, но он, думается, ни на что жаловаться не стал бы и при жизни. Он был куда выше мелких споров.

Введение, или О том, как написать хорошую книгу

Написать хорошую книгу очень просто. Я знаю, меня научила этому Любовь Александровна – моя учительница литературы в 9-м классе. Прошло уже столько лет, а я до сих пор помню её слова про завязку, борьбу двух главных героев, которая плавно перетекает в кульминацию и катарсис. Да, еще введение надо написать и пару цитат в эпиграф. Что ж, раз так все просто, не вижу смысла не начать. Например, так...

Пятый сон Вадима. В бане у Романовича. Москва. Вечер Того Самого Дня

Закончив речь, Дубовский резко встал и сделал то, чего от него никак не ожидали столпившиеся: стал танцевать. Банный комплекс, наполненный самыми разными звуками – от «Хава Нагила» на входе, «Венгерской мелодии» Брамса в «закутке танцоров» до какой-то банальной попсы из динамиков во всех остальных помещениях, казалось, действительно располагал к танцам. Но представить себе трясущегося в нелепой своей «тунике» Дубовского – этого Сенеку и Ришелье тех дней – было практически невозможно. Но вот он был здесь, живой и розовощекий, отплясывающий с «Туборгом» в одной руке и с прекрасной виолончелисткой, которую он буквально выкрал из соседней комнаты и заставлял теперь проделывать какие-то невообразимые па, в другой. Виолончелистка поначалу смущалась, неумело пытаясь прикрыться смычком (это было единственное, что она смогла утащить с собой во время «похищения»), но постепенно расслабилась и чуть позже даже пустилась в откровенный танец с «той самой из Большого». «Сенаторы», также поначалу скованные, немного опешившие как от проникновенной речи Абрама Борисовича, так и от его дальнейшего залихватского поведения, через пару минут оттаяли и, подражая шефу, лихо пустились в пляс. «Джемисон» и «Туборг» лились рекой. Партнер «той самой из Большого» водил хоровод с Кандидатами в Члены. Радостью и счастьем сияли лица...

Вечер Того самого Дня. Юртин. Случай на мини-рынке (начало)

Нет, наверное, не так, слишком непонятно для начала. Какая-то баня... Что это еще за Дубовский? У меня ведь вообще-то будет не про него вовсе, а про Вадима, которому только снится все это. Давайте лучше начнем по-другому. Начнем с того, что Вадим дождался, когда дверь красного юртинского трамвая тихонько отползёт в сторону, и под сладкое бормотание вагоновожатой, пожелавшей пассажирам «не оставлять своих вещей и помнить о самом главном в жизни», улыбаясь такому напутствию, сделал шаг наружу. Красный юртинский трамвай слегка покачнулся в тот момент, когда Вадим выходил, прощаясь с ним на сегодня и, очевидно, ожидая встречи в будущем.

По дороге Вадим одной рукой вытащил наушники, а другой поправил спящего внутри куртки кота и под свет качающихся в лужах фонарей направился к мини-рынку. Вадим, в общем, и не надеялся, что так поздно кто-то еще работает, поэтому, увидев открытую витрину ларька, обещающую покупателям «персик очень отличный», «яблоко семеренко недорогой», обрадовался. В Тот Самый Год металлические ларьки плотно заселяли городские кварталы Юртина, уродуя переулки и переходы своими стальными параллелепипедами, но Вадиму было сейчас не до эстетики, ему хотелось что-то купить отцу в подарок, чтобы не приходиться домой с пустыми руками.

– Вот этого винограда, пожалуйста, полкило, и этой вот сливы «вкусный свежий сладкий» тоже полкило, – обратился Вадим к полноватому продавцу, судя по внешности, выходцу то ли из Азербайджана, то ли из Дагестана.

– Вадим, опять Вы? Что Вас сюда привело в столь поздний час? – внезапно раздалось рядом.

– Григорий Аркадьевич? – удивился Вадим. – Я кота домой везу.

Вадим продемонстрировал Григорию Аркадьевичу меховой клубок – кота.

– А Вы-то как здесь? – в свою очередь поинтересовался Вадим.

– Я тут с недавних пор живу, купил квартиру неподалеку. Вот яблок решил купить, хорошо, что успел, думал, что не работают уже.

– Да, я тоже хотел отцу что-то купить. Я тут недалеко сейчас с родителями живу... буду жить.

– А-а-а. Ясно, значит, к родителям. Очень хорошо, замечательно, что Вы такой вечер проводите с семьей. Только зачем виноград? Лучше морковки купите на цимес.

– На что?

Вадим и Григорий Аркадьевич, наверное, еще бы долго и беззаботно болтали о том о сем, если бы круглолицый продавец в ответ на протянутую Вадимом тысячерублевую купюру не заявил:

– У меня нет тебе разменять. Найди поменьше.

Вадим принялся рыться в пространстве между котом и курткой, пытаясь нащупать кошелек, в котором, к сожалению, ничего, кроме еще одной аналогичной купюры, не оказалось.

– У меня нет ничего другого, – достаточно добродушно ответил Вадим продавцу.

– А у него? – спросил продавец, показав пальцем на Григория Аркадьевича.

– Григорий Аркадьевич, у Вас случайно нет купюр поменьше? – спросил Вадим.

– Нет, у меня тоже, к сожалению, только тысячная.

– Извините, но у нас только крупные.

– Я тебе что? Ты сюда разменивать деньги пришёл, что ли? – внезапно обиделся продавец. – Всё, закрываемся, – безапелляционно добавил он и вывалил только что набранный для

Вадима виноград из пакета обратно в деревянный короб, очевидно показывая, что разговор окончен вместе с его, продавца, трудовой сменой.

Вадим, который, даже несмотря на разговор с Григорием Аркадьевичем, до этого момента пребывал в каком-то полусне, внезапно словно очнулся. Как будто всеми имеющимися нервными окончаниями он почувствовал окружающую его полутьму, желтый свет фонарей, пробивавших её отчасти; теплый осенний ветер, который источал какую-то противную липкую глечь, оседающую на лице; мусор, круживший вперемежку с листьями посреди мини-рынка; почувствовал усталость от этого дня, всю несправедливость этой ситуации с виноградом и крупными купюрами. В душе всё смешалось: от обидных слов Мэри до бессмысленной поездки в Акду.

– Эй, подожди! Что значит «закрываемся»? Ну найди где-нибудь размен, ты же целый день торговал, что, не можешь сдачи найти?! – агрессивно обратился Вадим к торговцу.

В ответ продавец что-то пробурчал на родном языке, негромко, но достаточно ясно для того, чтобы вокруг ларька в несколько секунд образовалась группа из пяти-шести крепких молодых людей южной наружности, ранее занятых погрузочно-разгрузочными работами или бессмысленно сидевших на корточках чуть поодаль. Ситуация постепенно накалялась, что отметил также и кот, начавший активное шевеление внутри Вадимовой куртки.

– Ты, вообще, знаешь про права потребителя! Ты, вообще, откуда приехал, чтобы тут мне указывать! – неожиданно для самого себя выкрикнул Вадим и почему-то вспомнил сладкие улыбочки учителей при произнесении слова «Че-хол-то».

– Ты мне не кричи! – перешел в атаку продавец. – Сказал, нет сдачи, значит, нет. Всё, закрываемся!

– Подождите, пожалуйста, – вежливо обратился к работнику торговли Григорий Аркадьевич, одновременно положив на плечо Вадима руку, призывая того успокоиться. – Мне еще взвесьте яблок, если можно. Посчитайте нам с молодым человеком ровно на тысячу. Мне много надо всего, я заплачу сам, – последняя фраза относилась уже к Вадиму.

Продавец молчал, обдумывая сказанное и не предпринимая никаких действий. Возможно, у него тоже был тяжелый день, возможно, его тоже всё достало, и он просто хотел домой. Молодые люди вокруг не расходились. Рука Григория Аркадьевича лежала на плече Вадима. Кот шевелился, чувствуя общее напряжение.

Внезапно на сцене появилось новое действующее лицо. Коротко стриженный, одетый в кожаную куртку, крепко сложенный молодой мужчина, если не сказать юноша, аккуратно раздвинул ряды молчаливых собратьев продавца, медленной и уверенной походкой подошел к нему и заговорил:

– Что же ты... приехал в наш город, высокой, между прочим, культуры и ругаешься, обижаешь нас, простых русских людей. Тебе вроде бы ясно всё сказали, русским языком: вот тебе тысяча, взвесь на неё винограда и яблок. Тебе что-то непонятно? Если понятно, то давай быстро обслужи покупателей. Если непонятно, то я тебе всё сейчас подробно объясню.

Вадим с удивлением узнал в заступившемся за них парне своего недавнего соседа по красному юртинскому трамваю, на котором они проехали почти весь город.

Где-то внутри раздался звук, который Вадим не сразу идентифицировал как мелодию звонка своего мобильного телефона. Это и не мудрено, он слышал её в первый раз. Кот окончательно проснулся и вытащил любопытную мордочку наружу, пока Вадим, путаясь среди кошелька, купюр и наушников, пытался нажать на кнопку.

– Алло! Алло! Вадим! – наконец вылетел из трубки голос Михал Михальча.

Глава, в которой мы знакомимся с Вадимом Чехолто и узнаём некоторые факты из его биографии

Опять как-то не так. Я, конечно, понимаю, что в хороших современных книгах (так и хочется от себя добавить: в таких, как вот эта!) авторы подчас вместо простого пошагового повествования прибегают к такому трюку: дубасят несчастного читателя по голове неожиданным началом, действие которого, вообще-то, происходит где-то в конце сюжета. Вот и я, мой читатель, вывалил информацию, которую не переварить без предварительной подготовки.

Кто они, эти люди: Вадим, Григорий Аркадьевич, смелый коротко стриженный парень, с которым ехал Вадим в красном юртинском трамвае, что это за трамвай такой, и почему он «юртинский», в каком это «Том Самом» году происходило, ну и, в конце концов, чем у них все закончилось там, на мини-рынке? Не торопитесь, господа, всему своё время.

События нашей книги происходят осенью в один из тех годов, которые почему-то сейчас принято именовать «лихими». Я же решил назвать его для удобства Тем Самым Годом. Место действия – славный уральский город Юртин, о котором следует рассказать чуть подробнее.

Юртин – областной центр, находящийся где-то посередине карты нашей страны, являл собой в Том Самом Году зрелище весьма заурядное, можно сказать, типичное для подобных городов: с одной стороны, серая громада, полная хмурых людей, спешащих на работу в пыльные корпуса заводов, грязных луж посреди кривых растрескавшихся тротуаров; а с другой – убежище для милых тонконогих девушек, шелестящих конспектами в красных трамваях, с грохотом пересекающих город из конца в конец. В городе было много заводов, производящих огромные пушки, турбины, моторы и прочие металлические изделия.

Однако в общем культурологическом, если хотите, аспекте, возможно, никто бы про этот самый Юртин и не вспомнил, если бы как-то его не упомянул в своих незабвенных произведениях Борис Пастернак, который жил здесь недолго в далекие предреволюционные времена, точнее говоря, проезжал как-то мимо и ненадолго задержался. Действительно, заводов и пушек у нас, как известно, полным-полно, а Пастернак – он такой один. Большинство юртинцев, правда, стихов Пастернака не читали, но все же и не осуждали, как в свое время знатные ткачихи и забойщики. А это уже прогресс, знаете ли! Юртинцы, вообще узнавшие о некоей духовной связи с Нобелевским лауреатом лишь недавно, благодаря подвижнической деятельности профессора Акбашева (с которым мы еще увидимся), страшно гордились данным фактом и, возможно, во многом потому считали себя (кстати, не всегда необоснованно) наследниками и носителями некоей Высокой Культуры. В городе рос и развивался год от года Культ Культуры, сопровождавшийся выражениями типа «культурный феномен Юртина», «наследие великого поэта», «дух Пастернака» и проч.

Вадим Петрович Чехолто, с которым будут так или иначе связаны основные события нашей книги, – коренной юртинец, родившийся и выросший здесь на берегах реки Камы. В Тот Самый Год нашему герою исполнилось 24 года.

Октябратское детство героя ничем не отличалось от детства всех детей той эпохи, неизменными атрибутами которой были висящий на шее ключ от входной двери, заменявший советским детям крестик, и звездочка с ликом вождя. В те годы про Культ Культуры в Юртине еще не знали, зато повсеместно присутствовал совершенно иной культ.

Вадим хорошо учился, в первые три года своего обучения в школе он вообще редко когда получал отметки ниже «пяти», учиться ему было порой даже скучно из-за простоты заданий. После школы он мчался домой делать уроки, играть со старшим братом и ждать родителей.

Уставшие от строительства коммунизма родители возвращались, чтобы поужинать, послушать пластинки Лео Сейера, АББА и Демиса Руссоса и посмотреть программу «Время».

Вадим тоже смотрел программу «Время», причем один из сюжетов надолго запал ему в память. Уже потом, много лет спустя Вадим вспоминал, как корреспондент советского телевидения брал интервью у седого бородатого американца, который устроил лежачую голодовку напротив Белого дома в Вашингтоне, протестуя против чего-то ужасного в американской политике. День за днем корреспондент приходил к несчастному американцу узнать о состоянии его здоровья и проверить твердость духа. С твердостью все было в порядке, но вот здоровье с каждым днем становилось все хуже, пока однажды седой протестующий бородач не оказался на больничной койке. Маленького Вадима поражало, что, помимо советского корреспондента, никто не подходил к несчастному, не интересовался, как там он, не говоря уж о жестоких политиках, которые из сочувствия к голодающему все никак не могли прекратить творить это что-то свое ужасное.

Помнится даже, что после одного из таких сюжетов Вадим сказал как-то в сердцах маме: «Хорошо, что мы живем в нашей стране, мама, у нас такого вот (показывая на экран) нет!». Мама вздохнула и повела Вадима мыться в ванную, тем более что папа недавно привез из Москвы югославский шампунь. «Был бы твой папа поумнее, жили бы мы, Вадимка, не в Нашей Стране. А то... шампунь он привез», – тихонько ворчала мама под шум струившейся из крана воды. «Где бы это мы, интересно, жили? – удивлялся про себя Вадим, перебирая перед сном оловянных солдатиков в форме революционных матросов и размышляя о маминых словах в своей раскладной кровати. – Разве есть место лучше?».

Папа тем временем собирался посмотреть программу «Международная панорама», которая, как мне сейчас кажется, была популярна в народе не только, да и не столько тем, что обличала ложь и демагогию прогнившего насквозь капиталистического общества, сколько музыкальной заставкой, ради которой собирались миллионы советских людей, попутно слушая диктора, торчащего позади прямоугольного микрофона. Вадим обычно тихонько вылезал из своей кровати и, нарушая твердо установленный мамой режим, перебирался на диван к папе, засыпая под бормотание Александра Бовина, который в силу своих пропорций казался Вадиму увеличенной проекцией микрофона. «Бедный дяденька, – думал Вадим, вспоминая протестующего американца перед тем, как уснуть, – плохо ему, не то что мне, я ведь живу в СССР».

Папа Вадима – Пётр Георгиевич, сын выходцев из центральной Украины, работал инженером в секретном 37-ом цехе Юртинского Пушечного завода имени Товарища Менжинского. Он работал на секретной должности и занимался разработкой и производством совершенно секретного изделия № 12/6. Хотя все на территории цеха № 37, включая, наверное, стороживших периметр собак, прекрасно знали, что совершенно секретным изделием № 12/6 является взрыватель для торпеды. Вслух этого никто не говорил, а стоило кому-нибудь, например, детям Петра Георгиевича, заикнуться про деятельность Чехолто-старшего, как отец принимал строгое суровое лицо, как мудрые милиционеры из сериала «Следствие ведут знатоки». Суровое выражение вообще редко сходило с лица Петра Георгиевича, что, впрочем, равно относится и к большинству юртинцев. Уже будучи взрослым, Вадим, размышляя о природе сего феномена «недружественности лиц», в попытке оправдать горожан пришел к умозаключению, что, возможно, помимо постоянного ожидания вражеского нападения на колыбель социализма, к которому должен был быть готов каждый советский человек, определенную роль играл такой же недружественный юртинский климат. Это на берегу неаполитанского залива можно улыбаться без причины. Глядя полгода на замерзшую Каму, без причины можно только хмуриться. Отец Вадима любил одиноко сидеть перед телевизором, покуривая трубку. От него Вадим унаследовал лысоватость и любовь к табаку, уже с первого курса университета постоянно и безуспешно пытаясь бросить курить.

От мамы Вадим унаследовал любовь к чтению и задумчивый взгляд. Мама Вадима – Надежда Павловна – была, в отличие от своего супруга, коренной юртинкой. Благодаря этому обстоятельству, семья Чехолто проживала в трехкомнатной квартире недалеко от Площади Мира и Согласия, ранее доставшейся маме Надежды Павловны – бабушке Зине, которая также тихонько доживала свой век вместе с молодым поколением. Бабушка Зина делила свою комнату с Вадимом, поэтому он никогда не опаздывал в школу. При первых звуках будильника бабушка начинала пилить внука: «Вадик, вставай», – и не отставала ни за что, несмотря на глухие огрызания последнего.

Другую комнату занимал старший брат Вадима, Валерий. Разница в возрасте в семь лет впоследствии сделала братьев людьми из совершенно разных эпох, в детстве же она проявлялась не столь серьезно. Общих тем у Вадима с Валерой особенно не наблюдалось, но и как кошка с собакой они тоже не жили. Валера отслужил в армии, потом поступил в институт, а с началом новой экономической эпохи, быстро уловив все возможности оной, стал появляться дома всё реже, постоянно пропадая на каких-то встречах, куда-то часто ездил, пока не уехал окончательно в другой регион, находящийся за два часовых пояса от Юртина.

В пионерский период жизни Вадим начал понимать, в какую именно страну, по мнению мамы, они могли бы уехать, «если бы папа был поумней». Выводы Вадим делал на основании косвенных улик, намеков, полутонув и обильно рассказываемых анекдотов, в то время как ни сама страна, ни народ, ее населяющий, напрямую никем не назывались. Зато как сладко улыбались учителя при произнесении его странной фамилии! Сколько радости было в их глазах, когда, читая список учеников, они доходили, наконец, до буквы «Ч»! Маленький Вадим, впрочем, был вовсе не против доставить радость своим преподавателям, хотя причины этой радости он разгадать не мог.

Позднее, уже в короткий комсомольский период его жизни (короткий, в связи с внезапной кончиной комсомола), собеседниками Вадима наконец-то была сформулирована фраза, которую он слышал потом неоднократно, в которой и была, наверное, заключена «радость учителей», фраза, которую ему выдавали то как знак симпатии, то, наоборот, презрения, а обычно – как некоего само собой разумеющегося факта, который, правда, Вадиму, равно как и говорившему, был неизвестен. Фраза состояла из трех слов, но Вадим в голове своей для краткости свёл её к одному сплюсненному наречию с восклицательным знаком на конце и ударением на последнем слове: «ТыжеврЕй!».

Если картинкой, запавшей в душу Вадима в детстве, был страдающий от недоедания пожилой американец на фоне капитолийского холма, то почему-то из всех телевизионных картинок подросткового возраста юноша больше всего запомнил толпу разъяренных восточного вида людей, несущих плакаты с изображением какого-то бородатого мужчины с выколотыми глазами. Бородача звали Салман Рушди, и вся его вина заключалась в написании книги. Сила слова, готовая сплотить миллионы людей, пусть, возможно, ради несправедливой цели, определенно восхищала Вадима, так что, пока его сверстники проводили время во дворе, пытаясь нелепыми шутками привлечь внимание девочек, он всё больше времени сидел в обнимку с книгами.

В школе Вадиму нравились точные науки, прежде всего математика. Литературу и прочую историю он не любил, но, будучи человеком неглупым, не позволял себе расслабиться до такой степени, чтобы хватать даже по нелюбимым предметам двоек и троек.

По окончании школы Вадим поступил в Юртинский государственный университет на экономический факультет, который закончил через пять лет пусть и не с красным, но все же не с таким уж и синим дипломом.

Друзей у Вадима было немного, точнее, в школьные годы у него был один друг – Лев Хейфиц, который по окончании школы поступил сначала в Юртинский институт культуры на отделение режиссуры, затем, после первого курса, внезапно бросил учебу и уехал в Москву, где

еще год проучился уже в МИСИ, готовясь, по его собственному признанию, «проектировать чугунные сковородки». Сковородки, спроектированные Львом и его товарищами, были очень крепкими, толстыми, но яичница к ним прилипала намертво. Видимо, осознав свой крах на этом поприще, Лев решил опять круто изменить свой маршрут. Москва стала для него лишь ступенькой, а конечной целью путешествия по жизни (как, по крайней мере, думал тогда сам Лев) стал Израиль, куда он внезапно для Вадима эмигрировал в возрасте 20 лет.

Отъезд друга стал болезненным ударом, всю горечь которого Вадим смог осознать лишь много позже, спустя несколько лет, сидя в баре «Кривые ступени» в Юрятине среди веселых знакомых, но всё-таки никак не друзей. Связи со Львом Вадим не прерывал, несмотря на состояние и службу друга в ЦАХАЛе. Они писали друг другу смешные, ироничные письма по электронной почте (спасибо нашему времени за изобретение интернета), вспоминая случаи из школьного детства и делились последними событиями. Вадим также любил бывать в доме у Льва, у его родителей. Несмотря на отсутствие сына, его мама Ольга Борисовна и отец Александр Маркович с удовольствием принимали у себя Вадима, поили его чаем и болтали о «нашем Лёвущке», пока Вадим рылся в его коллекции виниловых пластинок.

В середине Того самого Года Вадим находился на некоем перепутье. Хотя он уже два года являлся сотрудником банка «РосВенчурИнвест», но все больше задумывался о смене работы. Нельзя сказать, что карьера Вадима в банке не заладилась, скорее, наоборот – он её весьма успешно делал, к своим 24-м годам уже был зампред филиала. Тогда, в Том Самом Году и в предшествующие ему несколько лет, вообще было время молодых и смелых: выпускников вузов брали на работу сразу на руководящие должности, все всего хотели и многого добивались, уверенность в собственных силах и возможностях просто зашкаливала.

Вадим был как раз из тех, кто сделал себя сам, он никого никогда ни о чем не просил, ничего не ждал и надеялся только на самого себя. Трудился он усердно, тем более что работа ему нравилась. Вадима теперь окружал со всех сторон столь любимый им мир цифр, перетекавших в таблицы, из которых складывался ежедневный банковский баланс. Вадим часто бывал в командировках, в основном в Москве, финансовом сердце страны, завел множество знакомств среди коллег-банкиров, был не прочь выпить с ними по рюмке хорошего арманьяка, в сортах которого он стал разбираться весьма неплохо. Словом, всё было относительно безоблачно до памятного всем дня августа Того самого Года, когда Вадим понял, что долго их банк не протянет.

В реальности банк протянул еще пару лет, пока не вошел в процедуру внешнего управления и не исчез еще через год, оставив после себя нескольких тысяч вкладчиков с неудовлетворенными требованиями, пару трупов (один из вкладчиков, один из менеджмента, что не так уж и страшно для того времени). Но история регионального банка, исчезнувшего на волне кризиса, сама по себе нас не интересует, мы слегка соприкоснулись с ней, как и вообще с биографией Вадима, лишь для формирования общего представления об окружавшей нашего героя действительности.

Помимо зарабатывания денег Вадим занимался обустройством личной жизни, что вылилось в итоге в совместное проживание с девушкой по имени Мария, хотя она предпочитала, чтобы её называли на английский манер – Мэри.

Вадим и Мэри вот уже около года снимали однокомнатную квартиру, расположенную немного на отшибе, в районе конечной остановки трамвая № 14. Сюда, в эту квартиру, расположенную на десятом этаже панельной многоэтажки, периодически приходили друзья и товарищи Вадима и его подруги, не обладавшие такой роскошью, как отдельная жилплощадь. Здесь же в последнее время всё чаще звучали обидные слова, которыми молодые люди обменивались в разговорах. Вадим чувствовал, что с тех пор, как они стали жить вместе, градус напряженности в отношениях с Мэри всё нарастал, особенно в последние пару месяцев, что совпало с

серьёзными изменениями в его трудовой деятельности. Все эти склоки действовали на Вадима удручающе, он не мог не то что разрешить проблему, но и понять причину её возникновения; что-то ускользало от его взора, таясь в глубине души плачущей по вечерам девушки.

Вадим начинает своё путешествие в красном юртинском трамвае. Юртин. Вечер Того Самого Дня

Примерно за час до происшествия на мини-рынке незадолго до окончания дня, который я для удобства именую Тем Самым Днём, Вадим ехал на трамвае от Мэри к своим родителям, чтобы отвезти им кота.

Кота этого Вадим и Мэри нашли недалеко от трамвайной остановки маленьким двухмесячным котенком, который пытался съесть кусочек чебурека, брошенного ему прохожим. Зрелище маленького худого котенка с торчащими, как у мастера Йоды, ушами надолго запечатлелось в памяти Вадима. Он даже как-то пошутил в разговоре со своими товарищами по бару «Кривые ступени»: «Когда Господь Бог на Страшном суде спросит меня, почему же мою душу все-таки надо отправить в рай, а не в геенну огненную, самым сильным аргументом, думаю, будет: «Я спас котенка, Господи!». Вадим считал, что это смешно.

Напротив трамвайной остановки, где был найден маленький поедатель чебуреков, моргала вывеска бара «Лаки Страйк», поэтому Вадим и Мэри решили дать котенку короткое, но гордое имя – Лаки. Жизнь Лаки, кстати сказать, сложилась в целом соответственно его имени – то есть весьма счастливо. В любом случае ему больше не пришлось унижаться, подбирая на мостовой кусочки чебуреков.

Поскольку Вадим сел в трамвай на конечной остановке, ему досталось свободное сиденье, которое они с Лаки ловко оккупировали. Трамвай постепенно стал наполняться людьми, их запахами, переживаниями и разговорами. Традиционно унылые лица постсоветских граждан выглядели в последнее время еще более унылыми. Все повторяли, как мантру, одно слово – «кризис».

– Ты видела, сколько мыло-то стоит?

– Сколько?

– Ой, не может быть! Еще вчера ж было меньше на два рубля!

– Доллар-то сегодня!

– Да, при Сталине такого не было.

– Говорили мне умные люди: покупай доллары!

– Всё сионисты и масоны устроили!

– Если б шас Сталин был!

– А я не брал, дурак, на фиг они мне, говорю!

– Обычное такое мыло с триклозаном.

– Все из них, все: Чубайс, Шейнис, Мурмулис, Гайдар!

– Гайдар вроде не из них, у него дед конницей командовал в 16 лет, Голиков его фамилия, он еще Чука и Гека написал.

– Не знаю никакого Чукайгека, ты на рожу-то его посмотри, а!? Вылитый масон! А фамилию он, может, на Голикова и сменил. Они все тогда меняли, под православных косили. Зиновьев там, Каменев. А сами-то кто были, знаешь? Финкельштейны всякие и прочие Липшицы.

– Точно, Липшиц ещё!

– А эти, как их, лигархи, тьфу! Дубровский, Хавронский, Романович!

Теплый кот за пазухой, наконец, устроился, как ему хотелось, вздохнул и перестал ворочаться. Тот Самый День в Юртыне уже клонился к закату, в то время как в далеком Московском Кремле...

Первый сон Вадима. Москва. Середина Того самого Дня

... в это же время в самом сердце нашей Родины, в залах Московского Кремля собирався на очередное заседание Совет Семи Мудрейших. Круглый стол, посреди которого стоял золотой семисвечник-менора, постепенно окружали люди в белых накидках-талитах, с углов которых свисали плетеные кисточки-цициты. На головах присутствующих были ермолки с приклеенными к ним длинными кудрявыми пейсами. В глубоком молчании, чинно ступая, подошли они к своим местам. Последним пришел Он – Великий Эльцинд, Верховный Предводитель и Вождь Народа.

Эльцинд молча оглядел присутствующих, взмахом пальца извлек огонь из золотой зажигалки, поджег все семь свечей в семисвечнике, стоявшем на столе, и дал знак Великим Семи садиться. Видно, что церемония эта была привычна для присутствующих, они бесстрастно откинулись на своих стульях. Стоит заметить, что заседание Совета происходило при полностью выключенном электрическом освещении и при опущенных до пола шторах, источником света для присутствующих были только семисвечники, в изобилии расставленные по помещению. Несмотря на большое количество свечей, в зале царил полумрак, что вкупе с запахом прогорелых фитилей и легкой копотью придавало общей обстановке некоторую таинственность, если не сказать – мрачность.

Вниманием присутствующих сразу завладел Абрам Борисович Дубовский, невысокий человек с бегающим взглядом и скрюченными руками, которыми он постоянно что-то делал: передвигал предметы на столе, чесал затылок, крутил пуговицы на одежде.

– Уважаемые товарищи, то есть коллеги, то есть господа, прошу считать наше заседание открытым. Секретаря прошу отметить: Протокол № 15. Итак, у нас сегодня очень серьезная повестка, предлагаю приступить, – начал Дубовский.

Речь Абрама Борисовича была быстрой, но четкой. Слова перетекали одно в другое, как песок в песочных часах. Сила слов Дубовского была очевидна всем присутствовавшим, какой бы неказистой ни воспринималась его внешность.

– Итак, наши вопросы на сегодня: о ситуации в период кризиса, что включает в себя подпункты о деятельности Совета Семи Мудрейших в период кризиса, о порядке проведения финансовых расчетов с Матерью-Родиной в период кризиса, о положении гоев на подведомственной территории в период кризиса. Есть еще несколько мелких вопросов, которые также хотел бы обсудить. Предлагаю не тянуть, товарищи, в смысле, господа, и начать.

– Ну, шта-а-а, уважаемые Мудрецы, – раздался голос Великого Эльцинда, – кто имеет шта-та сказать к повестке?

– У меня есть пара слов, уважаемый Великий Эльцинд, – со стула поднялся Георгий Липшиц, – у меня, как у человека, отвечающего за экономическую часть нашей деятельности, есть множество возражений относительно подготовленных людьми Абрама Борисовича документов.

– Что не так, Жорик? – нервно отозвался Абрам Борисович. Наличие возражений немного раздражает людей, которые всегда все делают правильно.

– Мне кажется, что все как-то не подготовлено, точнее, недоподготовлено... Слишком много недоделок, поэтому в таком виде рассматривать ничего нельзя.

– Тебя что конкретно не устраивает, Жорик?

– Ну вот, например, раздел «О проведении мероприятий по дальнейшему сокращению населения Подопечной Страны». Тут вот много чего не указано, о чем упоминается в наших предыдущих протоколах. Я процитирую.

Липшиц достал свиток, положил его на стол и принялся разматывать двумя руками, пытаясь найти требуемую «страницу». Совет напряженно ждал. Великий Эльцинд полусонно разглядывал нервно копошащегося Липшица.

– Вот, здесь где-то, сейчас. Ага, нашел! Протокол номер семь «О мерах по сокращению популяции гоев в Подопечной Стране». Так, содержание... хм... «Спаивание взрослого населения гоев. Роль рекламы пива. Постепенный отказ от прививок для детей гоев. Периодические локальные войны...»

– Подожди, Жорик, по-твоему мы что-то упустили? Пошли не тем путем?

– Именно, Абрамушка, именно. Обратите внимание на следующие базовые положения, которые мы приняли за основу нашей дальнейшей работы.

Липшиц стал читать текст протокола, отпечатанный на лежащем перед ним свитке, при этом покачиваясь всем телом взад и вперед, как при чтении молитвы:

«Нашей святой обязанностью является охрана вверенного нам стада гоев, проживающих на территории Подопечной Страны. Для этого мы должны всеми способами не допускать условий, при которых жизнь гоев на территории Страны станет совсем невыносимой. Таким условием может стать, в том числе, перенаселение Страны, то есть состояние, при котором экономика Страны не сможет прокормить достаточное количество гоев ввиду объективных трат, как то: периодические подношения Верховному Комитету, ежемесячная, ежеквартальная и ежегодная выплата Цдаки комитетам еврейской бедноты, а также иные платежи. Мы, как псы, кружащие вокруг стада баранов, должны отслеживать путь стада, направлять его, чтобы оно не сбилось с верного пути. Бараны не обладают должным уровнем интеллекта, их легко обмануть, мы, используя данные нам Б-гом преимущества в умственном развитии, а также имеющиеся у нас финансовые возможности, обязаны для гоевского же блага направить их на тот путь, который мы избрали для них в качестве верного. Исходя из общего объема ВВП Подопечной Страны, мы видим, что существующее население является избыточным и должно быть постепенно уменьшено с тем, чтобы довести его размер до 100 миллионов к 2050 году. Этого размера населения необходимо и достаточно будет для выполнения Подопечной Страной в нашем лице взятых на себя обязательств перед Мировым Правительством в лице его руководящих органов, таких как МВФ, Всемирный банк, Федеральный резервный фонд».

Липшиц прервал чтение и оглядел присутствующих. Все с большим интересом взирали на него, даже Великий Эльцинд вышел из полудремы.

– Ну, как вы помните, наши основные обязательства – это поставка на мировой рынок достаточного количества дешевых энергоресурсов и продуктов, а также потребление товаров по списку, указанному в Приложении 2 к Великому Договору, всяких там сникерсов... – добавил тихонько Липшиц.

– Ты зачем это читал, Жорик? – медленно и холодно процедил Абрам Борисович. – Мы и так все помним, кто мы, откуда и куда идем.

– Я это затем, Абрамушка, что в бумагах твоих не о том написано, о чем мы с Верховными договаривались. Ты что же это, решил свернуть с генеральной линии? Кто это вообще готовил? – Липшиц ткнул в лежащие перед ним на столе папки с документами, – и вообще, почему не по форме, не в свитках?

– Жорик у нас еще с комсомольских собраний помнит про конфликт формы и содержания, – усмехнулся Дубовский и резко встал. Взгляды присутствующих мгновенно переместились на него, как у публики на стадионе в большом теннисе после перекидывания мяча с одной половины поля на другую.

– Доклад подготовлен на основе документов, переданных из ведомства Хавронского. Если есть претензии – обращайтесь к нему, – голос Абрама Борисовича был по-деловому холоден.

– Да, давай Хавронского! Пусть пояснит, что он там понаписал! – раздались голоса членов Семимудрейшины.

– Предлагаю вызвать и допросить... в общем, Хавронского сюда, – подытожил Великий Эльцинд.

Пока секретари Семи Мудрейших созванивались с господином Хавронским, юртинский красный трамвай благополучно пролетел остановку «Имени героя Потрошкова», знаменитую надписью «ПИВО ВКУСНОЕ СВЕЖЕЕ», выведенной огромными, в человеческий рост, буквами на деревянном заборе, стыдливо прикрывавшем стройку, которая должна была завершиться в прошлом году, о чем сообщал информационный плакат, размещенный на том же заборе.

Глава, в которой мы знакомимся с Большим

Несмотря на кризис и подорожавшее мыло с триклозаном, юртинский красный трамвай № 14 уверенно шел к намеченной цели – «Саду культуры и отдыха имени Товарища Менжинского». Немного отклоняясь от основного маршрута нашего повествования, обратим внимание, что путь трамвая как будто хотел увековечить память о героях советской эпохи. Мало того, что он проходил в основном по Проспекту Ленина, но и почти каждая остановка носила имя какого-нибудь, если не вождя, так хотя бы героя революции. Например, уже упомянутая остановка «Имени героя Потрошкова» переносит нас ко временам, когда указанный герой железной рукой наводил порядок на близлежащей к Юртину территории. Порядок наводился в основном расстрелами, что не очень нравилось местному населению, которое в итоге и увековечило товарища Потрошкова в одном из боев. Увековеченный Потрошков остался в нашем городе в виде остановки и бюста в одном из скверов города.

Следующим после Потрошкова увековеченным юртинской остановкой на пути 14-го трамвая был марксист конца 19 – начала 20-го века товарищ Игнатов. Почему из всех участников группы «Освобождение труда», чьи имена запомнили навсегда миллионы советских студентов благодаря акрониму из первых букв фамилий (Плеханов, Игнатов, Засулич, Дейч, Аксельрод), для наименования остановки была выбрана именно фамилия на И, остается загадкой. Вроде бы в Юртыне он не был никогда, сроду, наверное, о нём и не слыхивал. Для нас важно лишь то, что именно на «Игнатова» в трамвай № 14 вошел Иван Большаков, с которым нам суждено провести столь много времени на страницах нашей книги.

Коренной юртынец, Иван Сергеевич Большаков, двадцати двух лет от роду, имел происхождение самое что ни на есть русское-прерусское, к тому же достаточно пролетарское, учитывая, что отец Ивана проработал всю жизнь на Юртынском пушечном заводе. Завод этот, когда-то принадлежавший Строганову, носивший впоследствии имя сначала Троцкого, потом Сталина, потом Ленина, а ныне ставший безымянным, громоздился прямо напротив скромного деревянного дома семьи Большаковых.

Сергей Иванович Большаков, отец Ивана, был человеком серьезным, трудолюбивым, закончившим свой путь на заводе, имея шестой разряд сварщика. Иван часто с гордостью говорил своим товарищам, что отец на спор мог приварить к листу железа граненый стакан. Девяностые годы двадцатого века Большаков-старший встретил с грустью, которую старался вылечить крепким алкоголем, старинным российским лекарством от всех болезней. Грусть не лечилась, а дозы лекарства с годами становились все больше. Матери у Ивана не было, точнее, она умерла, когда он был еще маленьким трехлетним мальчиком.

Иваново детство было ничем особо не примечательным: октябренок, пионер, старшие классы. После окончания школы он был призван в армию; затем, после армии, всё время где-то работал, правда, недолго. Все в этой его короткой биографии было гладко, славно и ладно. Эх, с такой-то биографией да куда-нибудь на СеверА, или на комсомольскую стройку, или целину осваивать! Да время не то. Люди порой не подходят ко времени, так же как и время к людям.

В общем, всё было бы неплохо, но! С некоторых пор Ваня стал меняться. Даже не то чтобы в худшую сторону, просто стал он меньше говорить, чаще хмуриться, короче стричься и носить все больше черное.

– У вас свободно?

Первым проснулся кот и внимательно осмотрел вопрошающего. Темные штаны, ботинки со шнуровкой и майка цвета хаки, на которую была накинута расстегнутая куртка, в руках какой-то пакет. За то короткое время, пока незнакомец еще не опустил рукав куртки вниз, Вадим успел разглядеть татуировку «За Русь!» на правой руке.

– Свободно.

Большой грузно опустился на сиденье, достал из кармана штанов наушники от плеера, нажал на кнопку и закрыл глаза. «Как он может спать под такую музыку?» – удивился про себя Вадим и тоже закрыл глаза. К шуму движения добавился неясный гул, доносящийся из наушников Ивана, быстрый ритм барабанов, жужжащая гитара и резкие выкрики солиста. Толком разобрать, конечно, ничего нельзя было, но общее ощущение эти звуки передавали вполне отчетливо. «Блин, еще мне тут нациста не хватало», – немного зло подумал Вадим и тоже закрыл глаза.

– Уважаемые пассажиры! Двери закрываются! Следующая остановка: «Начало эспланады». Прошу вас подготовиться к выходу заранее и не забывайте, пожалуйста, ваши вещи! – незадолго до закрытия дверей послышался женский голос в динамиках.

Бодрый, но в то же время нежный и даже отчасти сексуальный голос принадлежал водителю трамвая – милой женщине чуть старше 30-ти, которую Вадим и Иван раньше видели, правда, лишь изредка и мельком, когда в случае каких-либо происшествий ей приходилось, приоткрыв слегка переднюю дверь, выбегать наружу, наспех накидывая полосатую оранжево-белую рабочую жилетку. Вадим про себя называл эту женщину «Мисс Трэм» и удивлялся, почему ему так часто выпадает прокатиться на трамвае именно с ней. Удивляло Вадима, причем приятно удивляло, её отношение к пассажирам. От Мисс Трэм нельзя было слышать что-то вроде: «Быстрее уже! Шевелитесь! Я сказала: не висните на подножке!». Голос Мисс Трэм был мягок, бодр и деликатен одновременно. За удовольствие слушать, как она объявляет остановки, по мнению Вадима, пассажиры вполне могли бы доплачивать муниципалитету.

Утро Того самого Дня. Юртин. Ссора Вадима и Мэри

Сквозь закрытые глаза Вадим пытался разглядеть начало Того самого Дня, под конец которого ему зачем-то пришлось ехать на другой конец города в красном юртинском трамвае с котом под мышкой. Конечной целью поездки была встреча с отцом, от которого Вадим лишь год тому назад гордо уехал, объявив, что начинает самостоятельную жизнь, и к которому сейчас, в силу сложившихся обстоятельств, приходилось ехать «на поклон» в поисках крыши над головой.

Тот Самый День начинался вроде бы неплохо. Мэри проснулась вместе с Вадимом, какое-то время оба лежали в полусне, нежно прижимаясь друг к другу, пока инстинкты и молодость не возобладали, и молодые люди не предались трехминутной страсти. На пике страсти оба окончательно проснулись, открыли глаза и тяжело задышали. Однако минутой позже Мэри заплакала. Она сделала это внезапно и как-то отчаянно, почти беззвучно, лишь слегка открывая рот. Мэри приняла позу неродившегося младенца и повернулась к Вадиму спиной.

«Ну вот, опять, началось», – мелькнуло у него. «Когда же мы поженимся? Кто я для тебя? Почему ты ничего не замечаешь? Давай сходим куда-нибудь? Почему ты слушаешь эту ерунду? Сколько можно ждать тебя с работы?» – про себя передразнивал подругу Вадим.

Он, как и большинство мужчин его возраста, конечно, имел необходимый набор заранее заготовленных ответов, как то: нам еще немного надо пожить вместе, узнать друг друга; мы пока не готовы, у меня не такая большая зарплата, чтобы позволить себе...; в скором времени мы с тобой сможем...; я стараюсь; ты же видишь, как я устаю, и т. д. Так что к возможной атаке со стороны подруги Вадим, как ему казалось, был готов.

Однако первая фраза, которую произнесла Мэри, слегка его обескуражила.

– Нам надо расстаться, Вадим.

«Похоже, дело серьезное, яичницу придется готовить самому», – подумал Вадим.

– Мэри, что с тобой? – произнес наш герой.

– Я не могу тебе сказать, – тихим голосом вымучила из себя Мэри и стала чуть слышно завывать.

Вадим не любил завывания и ценил ясность во всем. Если она хочет с ним расстаться, должна быть причина. Чувство непонятной тревоги и бессмысленности происходящего возникло в районе солнечного сплетения и начало разрастаться по телу. «Ты ведь вроде бы сам этого хотел?!» – в голове Вадима сформулировался вопрос. «Да, но вроде бы не сейчас и не так!» – появился весьма неопределенный ответ. «Надо документы взять еще в офисе, отчетность за два последних года. Блин, ну мне вообще не до того сейчас, нашла когда разводиться, хотя мы еще и не расписаны вроде. Может, беременная? Ну вроде бы из-за этого не разводятся, а наоборот!».

– Ты беременна?

В ответ Мэри заплакала навзрыд, как героини советских фильмов о войне, провожающие своих родных на фронт.

– Ты не понимаешь!..

Эту фразу Вадим слышал множество раз, но никогда не понимал её значения.

– Ну расскажи, пожалуйста, только быстро... мне бежать уже скоро. Ничего страшного, я думаю, прорвемся.

– Куда прорвемся? Ты о чем вообще говоришь? Прорвемся! Со своими друзьями с работы так разговаривай, а со мной – не надо!

– Да что случилось? Объясни, пожалуйста! Мне еще поесть бы чего.

– У тебя всегда так, ты мои проблемы не замечаешь вообще, ты меня не чувствуешь!

– Ну как же! Вот сейчас вот, смотри, как я тебя хорошо чувствовал.

– Ты все сводишь к одному, у тебя, кроме секса, что-то есть ко мне вообще?

– Ну да.

– Что?! Что у тебя есть?!

– Мэри, мне одеваться надо. Мне ехать далеко. Сейчас зубы почищу, подожди, пожалуйста.

Во время чистки зубов мысли Вадима были в основном сосредоточены на бухгалтерской отчетности ООО «Акдинский Молокозавод», инспектировать который он ехал сегодня, возможностях зачета налоговых требований против поставок гречки в психбольницу, а также иных экономических проблемах холдинга, с которыми он расстался вчера, покинув рабочее место. Занятый приведением себя в порядок, тем не менее Вадим замечал, что чувство тревоги и бессмысленности, обитающее в центре груди, сохранилось и продолжало изредка посылать короткие импульсы на периферию.

Вернувшись из ванной в комнату, он попытался сразу урегулировать вопрос с Мэри. Внезапным порывом он постарался привлечь ее к себе и успокоить, однако получил резкий отпор.

– Не трогай меня, отстань.

«Может, ей стоит побыть наедине с собой, – подумал Вадим, вспомнив, что слышал в каком-то фильме нечто такое. – Отдохнет немного, выспится – и рассосется».

Однако 15 минут, потраченных на приготовление яичницы и ее поедание, для «рассасывания», по-видимому, не хватило. Выходя из кухни, Вадим увидел Мэри по-прежнему лежащей на кровати в ночной рубашке. Она угрюмо смотрела в пустоту и молчала.

– Я пойду, Мэри, мне еще на работу надо забежать, – сказал Вадим.

Мэри внезапно перевела на него взгляд, в котором Вадим прочитал многое, но не все из прочитанного понял.

– Ты что, собираешься вот так уйти, даже не спросив меня, в чем дело?

– Подожди, я ведь спрашивал. Ты сказала, что я не понимаю...

– Значит, я для тебя совсем ничего не значу? Тебе все равно, что со мной?

– Ну я же спрашивал.

Вадим вообще неплохо умел говорить. Хорошее знание языка, чтение книг, учеба в университете: он мог общаться, казалось, на любые темы, остроумно шутить, там, где нужно, делать многозначительные паузы, вставлять цитаты классиков. Однако в разговоре с Мэри Вадим всегда терялся. Его ответы представляли собой смесь жалкого мычания с попыткой оправдаться, как будто бы он всегда был заранее неправ. Причины столь стремительного изменения стиля речи он не мог объяснить, впрочем, он даже и не задумывался об этом. О скольких событиях в нашей жизни мы даже не задумываемся! Хотя раздумья о них могли бы привести нас к выводам, которые изменили бы в итоге наше мироощущение.

Мысли у Вадима в голове, конечно, были, но они не складывались в стройные ряды букв, слов и словосочетаний, которые помогли бы ему успокоить девушку, находящуюся в состоянии нервного срыва. Вместо этих словесных конструкций зачем-то совершенно некстати всплывали какие-то формулы расчета пени, динамика роста курса доллара и прочая неподходящая информация.

– Ну, давай обсудим. Я же не против. Что с тобой, Мэри? Может, я что-то не то сказал?

– Ты вообще ничего не сказал! Ты...

Мэри внезапно вскочила и стала одеваться. Натянув на себя шорты и рубашку Вадима, она села в кресло, скрестила руки и, казалось, погрузилась в медитацию, созерцая некую точку, находящуюся в тридцати сантиметрах от ее глаз.

Вадим в нерешительности замер на месте. Ему показалось, что общее состояние Мэри несколько улучшилось благодаря совершенному антистриптизу, и в общем, наверное, этот разговор можно отложить на вечер. Так что надо потихоньку собрать вещи и...

– Ты не понимаешь, – тихо проскулила Мэри, по-прежнему созерцая точку перед собой, – просто я поняла, что я... – и снова замолчала.

– Кто? – тихонько выдавил из себя Вадим, потому что молчание затянулось, а на работу надо было идти.

– Я... – Мэри закрыла глаза рукой, – я лесбиянка.

Последнее слово было произнесено почти шепотом, так что его окончание Вадим, скорее, угадал, чем расслышал.

– Подожди, как ... Мы же с тобой только что... ну... у нас же вроде все нормально...

У большинства людей реакция на неожиданную информацию обычно какая-то до смешного глупая. Это только в фильмах герои всегда в курсе будущих ответных реплик. Вадим в кино не снимался, в этот самый момент он жил, поэтому в его голове теснились исключительно глупости, вроде возможности секса втроем с кем-то из мэриных красивых подруг.

– Опять ты про это. У тебя одно на уме. Ты только об одном думаешь. Для тебя секс – это все, что есть в отношениях, ты даже не понимаешь, что кроме секса есть что-то еще.

– Мэри, извини, но мне бежать надо. Меня там машина ждет, мне ехать долго.

Мэри только что выдавила из себя признание, которое, очевидно, зрело в ней долгое время. Она говорила с мужчиной, с которым делила кров в течение нескольких месяцев, с которым она, по крайней мере ранее, связывала определенные надежды на будущее. И этот мужчина стоял сейчас перед ней, как ребенок, который ждет, когда мама, наконец, отпустит его погулять. Заплаканные красные глаза Мэри бросили воображаемую точку в глубине пространства и четко сфокусировались на лице Вадима. Взгляд Мэри, поначалу пронзительный, внезапно стал спокойным; она отвернулась, подтянула колени к подбородку и как будто задремала, слегка покачиваясь в кресле.

– Не расстраивайся, Мэри. Я вечером приду, мы все обсудим, все будет нормально, вот увидишь.

Ключ повернулся, шаги отмерили пять метров вдоль общего с соседями коридора, вторая дверь, снова ключ.

«Черт, в туалет забыл сходить, – подумал Вадим, – в этом долбаном Мухосранске даже туалетов нормальных нет, до вечера терпеть придется».

В лифте к Вадиму пришла в голову мелодия, точнее, пришла она к нему уже несколько дней назад, он все ходил «беременный» этими несколькими аккордами и припевом, но вот именно сейчас он «разродился», сейчас они зазвучали в голове как-то особенно ясно и четко. Если бы у Вадима была возможность записывать музыку, каким-либо образом получая информацию напрямую из клеток головного мозга, наверное, это был бы один из ярчайших написанных им хитов. Однако подобного устройства человечество пока не изобрело, и мелодию эту, равно как и другие, приходившие в голову Вадиму, ждало постепенное забвение посреди мыслей о работе, взаимоотношениях с девушкой и прочем. «Надо бы записать, классно звучит», – мелькнуло в голове Вадима за секунду до того, как лифт, зависнув на мгновение, наконец утвердительно крякнул на нижнем этаже и раскрыл перед ним двери в новый день. «Забуду ведь, опять забуду», – подумал Вадим, выходя из лифта.

Более подробное знакомство с Большим

Вечером в трамвае утренняя мелодия снова как будто повторилась, жесткие гитарные риффы с примочкой «Дисторшн», сопровождаемые параллельной бас-гитарой и множественными ударами барабанщика по тарелке, сменились мягкими, вкрадчивыми переборами «акустики», следом за которыми шел вокал. Вадим в полусне пытался услышать этот голос, несущийся то ли изнутри, то ли издалека, звучащий то ли на русском, то ли на английском, только пол вокалиста он мог установить точно – это был мужчина, певший с характерной «сиэтлской» хрипотцой. Мелодия окружала Вадима, сжимала и поднимала его так, что он, сидя с закрытыми глазами в кресле трамвая, мог видеть себя откуда-то сверху стоящим на сцене с гитарой; вот заканчивается куплет, обрывается соло, бас с резких прямых нот уходит на чуть слышное бормотание, барабанщик «считает» палочкой по тарелке: 2-3-4 – «снаружи» это слышно как «тс-тс-тс»; и вот, наконец, снова со всей мочи двумя пальцами с прицелом по четвертой и пятой струне!..

Вадим приоткрыл глаза и покачнулся вперед, приглядываясь, т. к. ему показалось на миг, что часть песни он исполнил только что нечаянно для всех пассажиров трамвая. Убедившись, что его никто не слышит, и трамвай наполнен сонной пустотой, Вадим снова откинулся в кресле и продолжил внутреннее созерцание музыки.

В то же самое время сосед Вадима Иван Большаков, несмотря на закрытые глаза и усталый вид, тоже не спал. Отчасти в этом была виновата музыка. Однако спать Ивану не давала не только песня группы «Коловрат», прославляющая героев Русской Освободительной Армии, но и мысли. Тяжелые мысли наполняли его коротко обриту голову.

Большой в свои 22 года уже успел не только сходить в армию, но и жениться. Его избранницу звали Ларисой. Ваня и Лариса, или Лара, как он её обычно называл, были знакомы еще со школы, однако закрутили роман только год назад. Через полгода поженились, а месяц назад Лара объявила Ивану, что ждет от него ребенка.

Известие это Ивана, скорее, обрадовало: еще один белый русский человек появится в стране, которая и так скоро обеднеет людьми (говорят ведь, что даже целый план существует, как обезлюдить Россию). Но, несмотря на радость от сознания, что «нашему роду не бывать переводу», Ивана немного смущало отсутствие у него на тот момент постоянной работы.

Отсутствие работы еще не значит, что Ваня ничего не делал. Напротив, жизнь Большого была наполнена множеством событий. Например, он играл в рок-группе, точнее, в РАК-группе, то есть в группе, играющей РАК. Стиль этот, недавно пришедший к нам из Европы, прежде всего из Англии, наиболее полно отражал духовные поиски Ивана в мире, где «белому человеку уже поспать спокойно нельзя на чурекский ларек», как охарактеризовал сам Иван окружающее его бытие при составлении протокола за мелкое хулиганство, совершенное в состоянии сильного опьянения. Увы, группу White Argans, бас-гитаристом которой Большого числили, преследовали в основном творческие неудачи и кризисы. За два года своего существования и вялых репетиций парни смогли лишь дважды выступить перед большой публикой, оба раза на сцене родного ДК имени Менжинского. Публика, представленная в основном родственниками и друзьями музыкантов, хлопала и уукала, подбадривая выступавших и вселяя в них надежду на будущее. Однако, хоть потенциал White Argans был, безусловно, еще не до конца исчерпан, последние полгода коллеги по РАК-группе почти не репетировали.

Большой также был членом фанатской группировки (или, как еще модно говорить, «фирмы») «Юрятинские волки», которая поддерживала местную футбольную команду «ШихСил». Сказать «был членом» – скорее, обидеть, поскольку, хотя фирма была организована задолго до прихода в нее Большого, он очень скоро заслужил в ней авторитет среди товарищей и стал кем-то вроде наставника для подрастающего поколения. «ШихСил» была старинной

юрятинской футбольной командой, долго болтавшей между вторым и третьим дивизионами и, наконец, недавно вышедшей в высшую лигу российского футбола. Название «ШихСил» появилось недавно (в советские годы клуб назывался всего-то «Труд») и вроде бы означало, хотя никто об этом не говорил прямо, «шихта и силвинит», поскольку основными спонсорами футбольного клуба были предприятия горно-металлургического и нефтехимического комплексов. Противники «ШихСила» любили поиздеваться над «шихтой», являющейся составной частью названия. Слово это, в русском языке не самое благозвучное, фактически стало обозначением всех фанатов юрятинской команды. «Шихта! Шимпанзе!», – кричали фанаты из других секторов, завидев бело-зеленые шарфики шихсилловцев. «Мы шихта, а вы дерьмо!» – скандировали в ответ юрятинцы.

Ваня гордо носил футбольный шарф «ШихСила», ходил на все домашние матчи и отчаянно дрался с фанатами других клубов. О драках представители противоборствующих команд договаривались заранее, затем происходила мобилизация коллективов и, наконец, битва. Подобные мероприятия собирали от 10 до 50 человек с каждой из сторон и не всегда заканчивались успешно для «Юрятинских волков». Так что Большой иногда приходил домой с сильно оттопыренными ушами, расплюснутым носом и синяками под глазами. Жена это увлечение Ивана вслух не одобряла, но про себя немного гордилась тем, что ее Ванечка «такой сильный».

Однако, как любил говорить отец Вани, «сильный еще не значит богатый». Понимая всю очевидную несправедливость данной поговорки, Иван вынужден был смириться с окружавшей его капиталистической действительностью и пойти искать работу.

Нельзя сказать, что Большой филонил и отлынивал, – нет, Иван уже много где попробовал свои силы: ему удалось некоторое время побывать и продавцом в магазине, и грузчиком на железнодорожном вокзале, и даже сотрудником группы быстрого реагирования при местном Управлении внутренних дел. Последняя работа нравилась Ивану более всего, она позволяла совместить приятное с полезным: возможность подраться и заработать денег. К сожалению, несмотря на все рвение, которое Иван проявлял во время задержаний хулиганов и алкоголиков, а может, как раз именно из-за одного, по истечении двух месяцев работы в органах Ваню оттуда попросили.

Вообще, почему-то Большой нигде, ни на одной работе дольше двух месяцев не задерживался. По окончании испытательного срока работодатели всегда отправляли его домой.

После милиции Иван пробовал свои силы в некоей канадской экспортно-импортной организации, опутавшей своими щупальцами в 90-е годы двадцатого века всю Россию. Сейчас, по прошествии лет, достаточно трудно со всей определенностью сказать, что организация эта вообще существовала, поскольку она, мало того что не имела названия (во всяком случае, никто его не помнит), у нее не было ни очевидной структуры, ни ярко выраженного руководства. Если организация была экспортно-импортной, то что и как она перемещала через границу? В конце концов, почему она была канадской? В чью же, интересно, канадскую голову пришла идея собрать со всех концов нашей страны тысячи молодых людей, чьей основной и единственной задачей было впаривать случайным прохожим втридорога ненужные им китайские вещи, ломающиеся в течение месяца со дня начала эксплуатации?

Утро в канадской экспортно-импортной компании начиналось с бодрой оперативки, которую проводил некий начальник по имени Семён, приветствовавший персонал впаривальщиков неизменной фразой: «Как дела?!». Отвечать надо было: «Зашибись!». Обязательно с восклицательным знаком и выражением дикого счастья на лице. Дальше следовало: «Как настрой?!» – от Семёна и, соответственно, – «Отлично!» – от персонала. Ваня также со всеми орал, также излучал счастье от сопричастности к общему делу. Позже, вспоминая свою бытность в канадской экспортно-импортной организации, Большой замечал, что нечто похожее он

видел в кадрах столь любимой им немецкой кинохроники военных лет, те же счастливые лица, те же короткие возгласы приветствий.

В последний день работы в канадской экспортно-импортной компании Иван распропагандировал швабры. Отличие «канадских» швабр от швабр обычных было в плохо сделанном и постоянно заедающем механизме, с помощью которого можно было менять положение прикрепленной к швабре тряпки. Тряпка, сделанная из какого-то синеватого материала, напоминающего поролон, после недели использования по назначению начинала скатываться, т. е. покрываться мелкими катышками, и в скором времени приходила в полную негодность, заменить же ее на аналогичную не представлялось возможным, поскольку канадская компания специализировалась исключительно на одноразовых товарах и не имела комплектующих.

Стандартным набором фраз для привлечения внимания потенциальных покупателей Иван овладел быстро.

- Распродажа!
- Другого такого шанса уже не будет!
- А какая эргономика!
- Незаменимый помощник у Вас на кухне!
- **НО И ЭТО ЕЩЁ НЕ ВСЁ!**

Ваня смог продать только одну швабру очень торопившемуся мужчине средних лет, который слушал его вполуха, одновременно ведя диалог по сотовому телефону. Мужчину, похоже, интересовала только цена «этой хрени», как он выразился. Расплатившись, мужчина кивнул Ивану на прощанье, шепнул «пока-пока», схватил «хрень», кинул ее в багажник припаркованной рядом машины и, не прекращая разговора по телефону, уехал.

Эспланада и Амфитеатр. Юртин. Вечер Того Самого Дня

Юртинский красный трамвай выехал на эспланаду. Значение этого слова мало кто из местных жителей знал доподлинно, что не мешало юртинцам использовать его в различных фразах типа: «встретимся в 12 на эспланаде у ...», «завтра на эспланаде концерт», «подбросьте меня до эспланады» и т. п.

Эспланада тянулась 4 трамвайные остановки, которые трамвай проезжал по прямой, никуда не сворачивая. Бодрый голос Мисс Трэм возвестил название очередной остановки, трамвай дождался разрешающего сигнала светофора и выехал на открытое пространство (что, кстати, и означает «эспланада»), справа и слева загорелись далекие огни рекламы, окна квартир желтели теплым, домашним светом.

Вадим некоторое время любовался открывшейся панорамой вечернего города, потом посмотрел внутрь куртки на жмурящегося кота, достал из кармана наушники и нажал на кнопку плеера. «Wake ... from your sleep...» – чуть слышно пропел Том Йорк, в то время как Вадим, наоборот, стал постепенно погружаться в сон.

Красный юртинский трамвай бодро пересек пространство в четыре эспланадные остановки и выехал на перекресток около Амфитеатра. Так в городе называли памятник архитектуры конца 20-го века, недостроенное здание музыкального театра. Спроектированный в 60-е годы, он начал строиться в 70-е, затем уже в 80-е городские власти периодически то возобновляли стройку, то приостанавливали ее по причине нехватки средств в бюджете, пока в 90-е не было принято решение прекратить стройку окончательно. В итоге здание, масштабами и формой чем-то напомилавшее древнегреческие театральные сооружения, так и было прозвано в народе – «Амфитеатр». Помимо портиков, обрамлявших его со всех сторон, амфитеатр действительно имел внутри себя огромную, правда, недоделанную (как и все остальное) сцену, подобие зрительного зала, а также множество каких-то коридоров, лестниц и переходов. Вадим знал это, так как бывал там как-то с друзьями. Несмотря на то, что официально доступ в Амфитеатр был закрыт, а сам он обнесен высоким забором, знающие люди, молодежь в основном, а также местные бомжики, умели найти и дырку в заборе, и верную дорогу внутри сооружения.

Около Амфитеатра дорога шла вверх и резко поворачивала. Перед светофором в ожидании зеленого сигнала трамвай прижал тормозные колодки к рельсам, от чего стал похож на кошку, приготовившуюся к прыжку. От стука колодок о рельсы Вадим проснулся, вытащил наушники, увидел в окно Амфитеатр и задумался.

Знакомство с Михал Михалычем. Юртин. Полтора месяца до Того Самого Дня

Почему-то в голове мелькнула мысль о том, что вся эта поездка с котом на другой конец города связана с Сотниковым, хотя Сотников-то тут при чем? Может быть, потому, что всё со всем в этом мире взаимосвязано, вот и появление Михал Михалыча, очевидно, запустило какую-то цепочку событий, которая как-то связана и с котом, и с Мэри, и с нацистом этим, который спит, слушая вроде бы Underworld. Композиция, конечно, хорошая, но как вот так можно врубить на всю катушку, что полтрамвая слышит, и при этом умудриться спать?! Так о чем это я? Да, о Михаиле Михайловиче Сотникове.

Человек этот сыграл огромную роль в жизни Вадима. Кто знает, как все повернулось бы, если бы не Михал Михалыч, как его все звали вокруг, или еще проще – Михалыч.

Несмотря на то, что Вадим считал себя вполне самостоятельным человеком, никому не обязанным, чем старше он становился, тем больше ощущал, что все сколько-нибудь значимые события в его жизни произошли во многом благодаря воздействию извне, благодаря чьему-то участию. Выбор детского садика и школы – привилегия родителей. Далее – экономический факультет университета, в который Вадим попал во многом благодаря программе взаимодействия университета со школой, из-за чего все ученики, сдавшие на «отлично» выпускные экзамены, позже стали студентами. Таким образом, выбор школы, осуществленный родителями, определил и будущую профессию Вадима, и косвенно – размер его зарплаты, круг знакомых и прочее.

Со всеми его подругами Вадима кто-то знакомил, так было и в случае с Мэри. Увлечение рок-музыкой Вадим подхватил у друга детства – Лёвы Хейфица, фаната «Битлз». Пойти на работу в банк по окончании университета его надоумил бывший научный руководитель, хороший друг кого-то из членов правления банка. Дальше было знакомство с Михал Михалычем, неожиданно повлекшее переход на другую работу. Вадим, считавший себя человеком, руководствующимся при принятии решений разумом, а не чувствами, вполне понимал людей, которые тратят уйму времени при выборе места будущей работы, обзванивая потенциальных работодателей, советуясь с друзьями, отвечая на вопросы на собеседованиях. Однако рационально мыслящему Вадиму для принятия решения об уходе из банка и вливания в трудовой коллектив, возглавляемый Михал Михалычем, потребовалось лишь несколько минут.

Первоначально речь шла всего лишь о «шабашке». Михал Михалычу необходима была помощь в написании бизнес-плана одного нового проекта – молочного завода, который он недавно купил. Шабашке Вадим был рад как возможности немного подзаработать и живо откликнулся на предложение преподавателя из университета, который порекомендовал Вадима своему приятелю – Михал Михалычу Сотникову. Первая встреча Вадима и Сотникова прошла крайне неинтересно, кратко и по-деловому: один чертил задание на листке старым желтым советским автоматическим карандашом с толстым выдвижным грифелем, другой – слушал и пытался понять задание. Никаких особых воспоминаний, кроме карандаша, в душе Вадима не осталось. Однако через неделю Вадим и Михал Михалыч встретились вновь, и этот короткий разговор, происходивший в кожаном салоне новенького «Гранд Чероки», круто изменил будущее Вадима, определив его на ближайшие пятнадцать лет.

Михал Михалыч вообще производил на своих современников сильнейшее, можно сказать, невероятное впечатление. Невысокого роста, коренастый, коротко стриженный, он не был особенно привлекателен, вряд ли взгляд выхватил бы его из толпы, однако, когда он начинал говорить, разговоры умолкали, сильные мужчины и красивые женщины затихали и слушали, слушали его. У каждого, кто знал Михал Михалыча, была своя, отличная от всех других, но в

то же время в чем-то совершенно похожая на все остальные история знакомства с ним. Среди сотрудников холдинга «РосСельГаз» было принято собираться и обсуждать эти роковые истории, изменившие ход их жизни.

История же Вадима такова.

Вторую встречу Михал Михалыч назначил Вадиму через неделю после первой. В назначенный час Вадим вышел на стоянку и стал ждать Михал Михалыча, созерцая прохожих и наслаждаясь теплым августовским деньком кризисного Того Самого Года. Несмотря на кризис, девушки в Юрятине не перевелись и мило дефилировали по проспекту имени Ленина мимо здания банка «РосВенчурИнвест». После двадцати минут ожидания Вадим решил все-таки вернуться на рабочее место, где немедленно приступил к раскладыванию пасьянса «Косынка». Занятие это так увлекло Вадима, что он даже немного вздрогнул, когда вдруг зазвонил телефон, и секретарь Маша сообщила:

– Вадим, тебя мужчина ждет на «Гранд Чероки» у входа. Говорит, что вы договаривались, спрашивает, почему тебя нет.

– Я стоял там, ждал его полчаса.

– Давай живей, он говорит, что у него всего две минуты.

Вадим вытащил файл с бизнес-планом и рванул по направлению к стоянке, где его ожидал Михал Михалыч. Тот жестом правой руки предложил Вадиму открыть дверь автомобиля и зайти внутрь, в то время как левой рукой он держал мобильный телефон.

– Здравствуйте, Михаил Михайлович!

– А, да, привет, – Вадим не сразу понял, что Михал Михалыч обратился не к нему, а к невидимому собеседнику из телефонной трубки, – нет, по этим вексям подожди, еще не решили. Как ты там говоришь, назвал контору? Какой еще буж? – громоподобно вопрошал Михал Михалыч. – А что это? Ну, ладно. Так, давай обсудим позже, у меня встреча с о-о-очень достойным человеком, – Михал Михалыч покосился на Вадима, – все, пока-пока, Серёж. Здравствуйте, Вадим!

– Здравствуйте, Михаил Михайлович, – повторил Вадим, – вот ваш заказ. Я могу пояснить, если вдруг что непонятно, – начал Вадим и затих.

Глаза Михал Михалыча были обращены на пару красивых ног, видневшихся из-под красной юбки удаляющейся от них по тротуару юной жительницы Юрятина.

– Если что, – задумчиво повторил Михал Михалыч, – непонятно. Да, наверное, пойдем, как-нибудь, ха-ха! Вадим, можно на «ты»? Парень ты молодой, позволишь.

– Конечно, Михаил Михайлович, – аккуратно разделяя звуки, произнес Вадим.

– Ты вот что, бизнес-план кинь туда, пожалуйста, – Михал Михалыч, дважды изогнув руку, показал на карман, расположенный позади своего сидения, – я потом посмотрю на досуге, изучу. Ты мне вот что скажи, как ты оцениваешь положение в сельском хозяйстве России?

– В смысле? То есть всего сельского хозяйства?

– Ну да, всего. Понимаешь, все кругом твердят, как попугаи, «кризис-кризис», но это не только кризис, но и возможности, понимаешь? Ага. Время сейчас такое наступает интересное, согласен?

Вадим кивнул, с интересом слушая речь Михал Михалыча.

– Вот, скажем, то же сельское хозяйство. Мы тут с ребятами прикупили колхоз один. Ну, как прикупили? Почти купили уже, но там сложности с оформлением, предприятие вообще-то государственное, и директор какой-то придурок, но мы ему зама порекомендовали. В общем, контролируем мы этот колхоз. И задача стоит вывести его на мировой уровень, производить нормальную линейку продукции. Это, конечно, начальный уровень, затем стоит задача взять целиком под себя производство всей молочки в области. С мэром Юрятина ведем диалог, с губернатором ведем диалог, с будущим замом губернатора, у него, кстати, фамилия Спасский, ты знаешь наверняка, с ним тоже ведем диалог.

«Почему это я должен знать его наверняка», – пробурчал про себя Вадим, хотя фамилию Спасский он, конечно, слышал, поскольку Григорий Аркадьевич Спасский являлся одним из учредителей их банка, и Вадим пересекался с ним несколько раз по работе.

– Интересные есть мысли по газовой тематике, по нефтяной, вообще по энергетике. Много неправильно у нас, к сожалению. Много надо менять. Я тут переговорил с одним человеком из Москвы, он предлагает написать концепцию развития энергетического рынка. «У вас, – говорит, – провинциалов, свежий взгляд, незашоренный». Надо ставить всё на рыночные рельсы, реформировать, хотя это и плохое слово, почти ругательное, иными словами – шире смотреть. В общем, если что, имей в виду. Что твой банк: сегодня есть, завтра сдуется из-за кризиса. Как, кстати, не сдулся еще? Ха-ха. Вот тебе визитка. Да, звони, если что надумаешь. Люди нам всегда нужны. Организация у нас растет и динамично развивается, даже не организация – хо-о-олдинг, как говорит наш юрист Сережа. Интересы у нашей группы огромные, не сегодня-завтра начнем потихоньку поглощать «Газпром», да, что ты усмехаешься, будем отъедать потихоньку, технологии нам все известны. Так! В общем! Мы на сколько с тобой договаривались по оплате за бизнес-план? Вот, держи. Все, да-а-а-вай, Вадим, извини, но мне надо бежать, у меня встреча с депутатом одним. Был бы хрен собачий, я бы тут с тобой потрещал еще, а это – народный избранник! Надо уважить, за него же люди голосовали.

Вадим во время монолога Михал Михалыча тщетно пытался засунуть файл с бизнес-планом в карман, расположенный позади водительского сидения, но файл никак не хотел засовываться, ему явно что-то мешало. Решив потихоньку вытащить это мешающее что-то, Вадим понял, что карман забит небольшого формата книгами.

– У Вас тут книги, я не могу никак засунуть...

– А, дак возьми себе пару штук.

Вадим вытащил одну книгу и после этого все еще с трудом, но втолкнул свой бизнес-план в карман позади сидения.

Выйдя из машины, Вадим опустил взгляд на только что обретенную книгу. «Михаил Сотников. Обратного пути нет» – гласил заголовок. Под заголовком располагалась картина, изображающая полуобнаженную девушку с невероятно тонкой талией и огромными голубыми глазами.

– Обратного пути нет, – задумчиво проговорил Вадим.

Через день после этого разговора Вадим ушел из банка и устроился в компанию Михал Михалыча финансовым директором. Примерно через полтора месяца после этого разговора Вадим ехал в трамвае с котом под мышкой по направлению к дому родителей.

В полуторамесячный промежуток между устройством на работу и поездкой на трамвае успело произойти множество интересных событий. Прежде всего, состоялось знакомство Вадима с трудовым коллективом «Российского Сельскохозяйственно-Газового Холдинга», точнее, несколькими молодыми людьми, работающими в ООО «РосСельГаз». Динамично развивающийся холдинг состоял из генерального директора – Михал Михалыча и нескольких его заместителей: по экономике, по производству, по правовым вопросам, по взаимозачетам, по газу, по молоку, теперь вот еще и по финансам. Единственным недиректором в этом коллективе была Голодова Наталья, главный бухгалтер.

Несмотря на обилие директоров и полное отсутствие в штате пролетариев или хотя бы каких-нибудь специалистов, работа в офисе кипела. Директора таскали свитки факсов, куда-то постоянно звонили, с кем-то постоянно встречались, сутками пропадали в каких-то командировках. Динамики в холдинге действительно было хоть отбавляй. Вадима встретили достаточно радушно, выделили ему стол с компьютером и сразу завалили работой.

Второй сон Вадима. Москва. Середина Того самого Дня

Красный юртинский трамвай пролетел мимо Амфитеатра и, гремя тормозными колодками, на полной скорости пересёк главный перекресток города, где Проспект Ленина и Комсомольский бульвар сходятся в смертельной битве за звание самой-самой юртинской улицы. На стороне Проспекта были огни Главного Универмага, а Бульвар пытался взять скамеечками в тени лип.

Вадим, далёкий от этой войны, закрыл глаза и снова надел наушники, чтобы погрузиться в полудрему, в то время как за два часовых пояса от него члены Совета Мудрейших тоже собирались после некоторого перерыва, чтобы продолжить свою работу. Пока прислуга заменяла семисвечники, в которых выгорели свечи, присутствующие в ожидании господина Хавронского разбились на группы и вели светские беседы. Лишь Великий Эльцинд тихонько почивал на троне с золотыми ручками, свесив голову на плечо.

Одна группа состояла из Якова Соломоновича Бердичевского, банкира, и Матвея Израилевича Птицинского, владельца «пятой кнопки» телевидения. Разговор двух членов Совета Мудрейших состоял из разбора некоторых талмудических терминов, недавно вычитанных Матвеем Израилевичем.

– А вот когда десять наших собираются вместе, то это означает, Яков Соломонович, миньян.

– Как, Матвей Израилевич?

– Миньян! Это не то, что ты подумал, потому что на конце того, что ты подумал, немного другие буквы, а то, что я тебе говорю, – это именно «миньян», понял?

– А что это? Ну то есть я понял, что можно вдесятером собраться, но зачем?

– Чтобы Богу молиться, Яшенька.

– Эх, Матвеюшка, – неожиданно грустно отозвался Яков Соломонович и после небольшой паузы добавил, – поздно это всё.

– Что «всё»?

– Вот это вот «всё», – рука Якова Соломоновича прочертила круг, указывая Матвею Израилевичу на окружающий их интерьер, – я ведь всю жизнь учил подрастающее поколение, что бога нет, а есть только единственно верное и правильное учение, я ведь, знаешь ты, чуть было диссертацию не защитил, да вот не успел. Знаешь, какая тема была? «О преимуществах социалистического типа производства в мясной и молочной промышленности». А знаешь, где защищаться должен был? В Институте марксизма-ленинизма. Да, все уже готово было: автореферат распечатал, разослал, оппоненты речи написали, третьи лица, все чин-чинарем, комиссию созвали, знаешь, на когда? На 22 августа 1991 года.

Яков Соломонович умолк, пристально глядя в себя. Матвей Израилевич для приличия тоже подождал минутку и продолжил:

– Еще я тебе сегодня хотел рассказать про значение кашрута.

– Слушай, а откуда ты все это знаешь, Матвейка? – спросил Яков Соломонович.

– Ну как... книги есть, разные люди знающие...

– Книги... Я вот раньше одну-единственную книгу читал по этому вопросу, называлась «Осторожно: сионисты!», автор, по-моему, какой-то Николай Петров, издательство «Молодой коммунист», Москва, 1971 год.

– Да нет, ну что ты, Яшка! Ну что ты все плохое вспоминаешь. Забудь, слушай меня. Так вот, значение кашрута состоит в том...

Тут к говорящим неожиданно присоединился Дубовский. Резким движением он словно занырнул внутрь пространства между Матвеем Израилевичем и Яковом Соломоновичем и сразу же вклинился в разговор.

– Так, вы кончайте эту вашу жвачку ни о чём. Дело есть, Матвейка!

– Какое же, Абрам Борисович?

– Да вот про тельавидение твое, то есть наше. Про кнопку твою, пятую. Передачу надо тиснуть одну, сюжетец показать.

– Так у тебя ж, Абрамушка, своя кнопка есть. Моя-то тебе зачем?

– Моя уже задействована, не переживай. Мне большая аудитория нужна, поэтому понадобятся все ресурсы.

– А о чем сюжетец?

– Да про этого, – Абрам Борисович кивнул на спящего Эльцинда, – валить его думаю, будем давать честную, объективную картину, объяснять народу, что пора бы уже его на покой.

– Да ты что, Абраша! С ума сошел, зачем тебе это?! Ведь хорошо же все, спокойно. Чем он тебе мешает? Пьет и пьет. Спит и спит!

– Ну, во-первых, происхождение у него какое-то смутное. Вроде бы и из наших, опять же жена Иосифовна, а вроде и нет, может, он из гоев?

– Изгой! Какой он изгой? Он же наш, Абраша, наш благодетель и заступник, надежда и опора...

– Ладно-ладно, не части. Привыкли вы всё восхвалять! Это у тебя с секретарских времен, а? Сидел, поди, в райкоме-то комсомола, чаек попивал? Ха-ха. «В райкомовском рае попивая чаёк! Всё в порядке! Все нормалёк!». Помнишь, песню такую? Вряд ли, ты, кроме «Ленин всегда молодой», не слышал ничего, наверно. Да ладно, не красней, Матвейка.

– У меня, между прочим, дома коллекция пластинок, джазовых. Я всего Маклохлина собрал...

– Ладно-ладно, говорю, не гунди. Надо серьезные вещи еще обсудить, как сегодня отмечать будем.

– Что отмечать, Абрамушка?

– Семидесятилетие комсомола! – дразнивым тоном отозвался Дубовский. Наши праздники мы отмечаем, наши! Зарубите себе на носу. А то недели ермолки, корчат тут из себя, а по ночам, поди, Маркса читают по старой памяти!

– Маркс тоже из наших, вроде, – робко возразил Бердичевский.

– Из наших! – опять искривился Абрам Борисович. – В общем, имейте в виду, сегодня Наш Новый Год! По-нашему Рош Ха-Шана. Так что гуляем, поОцики! Сегодня после этого все к Ромаше в баню. Девочки, музыка – все как положено.

– Поцики!.. Девочки!.. – раздался слегка раздраженный голос входящего в зал человека.

Пройдя в конец зала, человек этот резким жестом ткнул выключатель. В течение пары секунд, пока свет распространялся по залу, человек подошел к круглому столу и остановился, хмуро оглядывая присутствующих. Внешний вид вошедшего разительно отличался от представителей Семи Мудрейших: ни талита с цицитами, ни ермолки с пейсами на нем не было, вообще одет он был достаточно прозаично: синий деловой костюм, красно-сине-белый галстук в полоску и белая сорочка. Внезапно средневековье встретилось с концом двадцатого века. Средневековье при этом морщилось от яркого света, конец двадцатого как будто готовился к схватке, приближался уверенно, но в то же время, не торопясь, вглядываясь в лицо главного своего соперника.

– Звал? – коротко начал вновь прибывший.

– С новым годом тебя, Хавроша! – отозвался Птицинский.

– С каким еще новым годом?! Ты меня звал? И прекратите уже эти ваши местечковые... клички использовать. Меня зовут Никита Семенович Хавронский, если забыли.

– Мы ничего не забыли, Никита Семенович, – начал Абрам Борисович, но внезапно был прерван проснувшимся Великим Эльциндом.

– Бааа! Никита! Ну, этааа, хорошо, выбрался наконец! Нашел, значит, время. А то все возишься там со своими нефтяниками, совсем дедушку забыл.

– Ну что Вы, как можно, я Вас не забывал. Просто дел много.

– У всех дел много, а мы вот не забываем друг о друге, собираемся, вот, обсуждаем. У нас вот вопросы есть к тебе, панимашшь!

– Готов ответить, спрашивайте.

– Разрешите я, – поднялся со своего места Липшиц, – у меня есть вопрос. Можно, Абрам Борисович?

Абрам Борисович махнул рукой, дескать, «валяй, задавай».

– Очень хорошо, спасибо, товарищи, то есть господа. У меня к Вам, Никитушка, то есть Никита Семенович, есть вопросы по поводу подготовленного, как я понимаю, Вами плана. Итак, я смотрю Ваш план, Никита Семенович, и что же я там вижу? Таки ничего хорошего я там не вижу, хочу я Вам сказать. Может быть, Вы спросите меня, почему? А я Вам с удовольствием отвечу, без всяких обиняков и украдок. Собственно, вот что: все мы исходим из того, что деятельность наша должна быть направлена на достижение Великой Цели. Цель эта, как известно, изложена в Великом Плане..., а План этот...

– надо осуществить в течение Великой Пятилетки! – перебил Абрам Борисович, – Лёнька, давай скорее, а то мы уже ВСЕ сейчас заснем.

– Да-да, конечно, в общем-то Вы все, конечно, знаете, что Великий План был изложен около ста лет тому назад в одной книге, которая, к сожалению, была каким-то непостижимым и даже, я бы сказал, мистическим образом похищена и в дальнейшем распространена среди... посреди... ну, в общем, гоев, которые, как бы это сказать, теперь, конечно, немного в курсе происходящего. Но я уверен! Что Центральный комитет наших братьев, заседающих, насколько мне известно, в Вашингтоне, постоянно работает над усовершенствованием и доработкой Великого Плана с тем, чтобы, во-первых, исключить возможность нового внезапного вторжения гоев в наши секреты, а во-вторых, для своевременной корректировки Великого Курса в связи с постоянно меняющейся обстановкой. Возможность проникновения в наши планы особенно усилилась благодаря современным технологиям, интернету, мобильной связи и прочему. Во многом поэтому-то мы и проводим наши заседания, так сказать, по старинке, не внося ничего в компьютеры, а записывая наши протоколы, равно как и иные документы, на древних папирусных свитках.

Лицо Хавронского на протяжении всей речи Липшица не выражало ничего. Взгляд его глаз был направлен из-под очков не на говорящего, а на Дубовского, который в то же время внимательно изучал роспись потолков зала, служившего резиденцией для заседаний Совета Семи Мудрейших.

– Так вот, я продолжаю, любезнейшие мои, – невозмутимо тараторил Липшиц, – мало того, что документы подготовлены Вами не по форме, не в свитках, а на печатных листах юртинской бумажной фабрики «Снегурка», так и что же там за содержание? Это же идет в полном противоречии с планом, я имею – с Великим Планом!

– Абрам Борисович, можно Вас на пару слов? – тихо спросил Хавронский, не спуская с Дубовского глаз.

– Ничего, повторяю, ничего совершенно не говорится о нашей гей-программе, – продолжал тем временем Липшиц. – Я, конечно, понимаю, дело деликатное, даже и говорить-то не хочется «НАША» гей-программа, но все-таки... Мы все с Вами прекрасно понимаем, что если говорить о потенциальном сокращении количества населения подведомственной нам страны, то распространение гей-движения – это один из самых интересных путей для достижения цели. В самом деле, тут, по-моему, и спорить нечего, геи-то не размножаются! Так, вот про это ни

слова. Хотя мы уже обсуждали, говорили и, как мне казалось, договорились о том, что на телевидении, или, как тут некоторые шутят, на тельявидении, надо побольше рассказывать о жизни геев, вообще всяких там транссексуалов и прочих лесбиянок, проводить с ними ток-шоу, как-то так ненавязчиво, но в то же время настойчиво проводить в жизнь мысль о том, что неплохо бы стать тебе, «Ваня», геем!

– Абрам Борисович! – немного повысил голос Хавронский.

– У него и про алкоголь там ничего нет! – вклинулся в разговор до этого молчавший Мурмулис. – Ни-че-го-шень-ки! А ведь это же важная часть «Великой стратегии Порабощения», об этом вообще никогда забывать нельзя. Где бы мы с Вами все были, если бы тогда, в смутное время девяносто второго, водка стоила, как при Горбачеве, ну, в сопоставимых ценах? Где, я Вас спрашиваю?! Вот, правильно Матвей Израилевич сейчас тихонько выразился, вот там бы и были. А так что ж, вышел Ваня с завода, получил с грехом пополам ползарплаты после пары месяцев задержки, смотрит: на мясо не хватает, на молоко с хлебом не хватает, зато на водку – в самый раз! И вместо того, чтобы штурмовать Кремль, пьет Ваня горькую, смотрит сюжетец в телевизоре про гей-парад и радуется, что живет в такой демократической стране. Но вот что я хочу Вам сказать, товарищи, то есть господа. Не все еще у нас хорошо, ой, не все! Более того, все еще может перемениться, а чтобы этого не случилось, как раз и нужно продолжить процесс, который я частенько про себя называю «дешевая водка в обмен на демократию». А демократия – это мы с вами!

– Абрам, поговори со мной, пожалуйста, – не унимался Хавронский.

– Тут вот правильно говорят некоторые ученые про влияние пива на человеческий, я бы сказал, гоевский, организм, – продолжал Мурмулис. – Существуют исследования, согласно которым в пиве содержится непропорционально большое количество женского гормона, который при постоянном и многократном употреблении пива приводит к ухудшению половой функции у мужчин. Не знаю, можно ли связать эту тему с ранее обсуждавшейся – о геях и всем таком, не уверен, что упившийся женскими гормонами гой станет в итоге геем, но потенциально это интересно.

– Это только на гоев действует или на наших тоже? – тревожно обратился к Мурмулису Матвей Израилевич.

– Слышу-слышу в голосе твоём легкое беспокойство по данному вопросу, – усмехнулся Мурмулис, – одно тебе скажу точно: наше пиво лучше не пей, почти на всех заводах уже тайно установлены аппараты по обогащению пива концентратом женских гормонов. Так что если чего, бери лучше чешское.

– Уже установлены?! Ты бы хоть предупреждал заранее! – воскликнул в сердцах Матвей Израилевич.

– Да ладно, Израилевич, куда тебе в твои-то годы, нашел о чем беспокоиться, – хохотнул Яков Соломонович.

– Таки я продолжу, – возобновил изложение своих претензий Липшиц. – Абсолютно никак не отражено положение о физиологическом превосходстве наших людей перед гоями. Как мы уже отмечали ранее, посмотрите протокол номер пять, тут ясно обозначено, к чему мы должны прийти: осознание серой гойской быдломассой своего ничтожного состояния не только в сфере интеллектуальной, но и в эстетической. Для этого победителями различных конкурсов красоты как среди женщин, так и среди мужчин должны быть только представители Избранного Народа; не менее 70 процентов всех телеведущих должны также представлять Наших. Поскольку телевизионная картинка формирует постепенно у гоев представление о том, что есть красота, а что уродство, то присутствие в кадре гоев должно быть, по возможности, сопряжено с некоей отрицательной деятельностью, которая (для смягчения ситуации) должна подаваться как неотъемлемая часть культурного кода, например: алкоголизм, наркомания, беспорядочная половая жизнь, проституция и т. д. Тут у нас еще есть некоторые цифры, обозначенные нами в

одном из первых протоколов: плановые показатели соотношения Избранного Народа и гоев в различных отраслях народного хозяйства, помимо уже упомянутых телеведущих, вот, к примеру: режиссёры – 80 на 20, писатели – 70 на 30, актёры – 60 на 40, губернаторы – 50 на 50, ну, как понимаете, это определенная уступка...

– Абрам, удели мне сейчас же пару минут! – уже достаточно твердо попросил Хавронский.

Абрам Борисович повернулся к нему, выждал несколько секунд и уже собирался было что-то сказать, как в залу ворвался кто-то из обслуживающего персонала и громко сообщил:

– Абрам Борисович! Он рвется сюда, требует, чтобы его пустили, никак не могли задержать. Настаивает, чтобы Вы с ним встретились.

Из приемной раздалась звуки высокого с надрывом голоса:

– Я требую, чтобы меня пропустили! Я все-таки бывший премьер-министр. Это я писал, а не Хавронский! Что он вам тут наговорил? Я требую, чтобы меня выслушали! Впустите меня немедленно!

– Хорошо, хорошо, Володя, пропусти его, киндер-сюрприза нашего.

Вошедший вырвался из рук Володи, поправил галстук и очки, одернул пиджак и молча подошел к столу.

– Это безобразие! Вы меня не пускаете, а у моей мамы, между прочим, девичья фамилия Зильберштейн!

– Слышь, Абрам Борисович, а ведь у нас тут, похоже, теперь вместе с Киндером, Хавроншей и Володей полноценный миньян, – заметил в глубокой тишине Матвей Израилевич Птицинский.

Большой вспоминает о первом визите в еврейскую школу. Юртин. За два месяца до Того Самого Дня

В то время как Вадим осмысливал судьбоносное знакомство с Михал Михальчем и его последствия, Большой пытался вспомнить день, когда он впервые пришёл в частную еврейскую школу имени Бен-Гуриона в городе Юртыне, чтобы устроиться работать в ней охранником. Как же так, воскликнешь ты, о читатель?! Что-то тут не вяжется – Большой и еврейская школа! Да, он и сам не до конца понимал, как же это произошло: простой русский парень, фанат «ШихСила» и вообще... «за Русь!» – вот так вот взять и пойти работать к евреям.

Возможно, что так же, как и в жизни Вадима, свою роль сыграл случай. Возможно, тот случай был вовсе не случай. Возможно, вообще вся наша жизнь – это цепочка случайностей, которые выстраиваются в закономерность. Большой, в отличие от Вадима, не склонен был философствовать по этому поводу, ему неинтересны были рассуждения о том, красна ли роза за его спиной и мертв ли кот Шредингера. За спиной Большого были не роза и не кот, а беременная жена и пьяный отец, на плечах висела невеста откуда свалившаяся ответственность за них и будущего ребенка. В общем, после очередного увольнения, на этот раз из канадской экспортно-импортной компании, Большой был озабочен поиском работы.

Газета бесплатных объявлений, составлявшая девяносто процентов почты семьи Большаковых, на трех разворотах предлагала различные вакансии, правда, в основном в области торговли, в том числе женским телом, и распространения косметики. Вадима же заинтересовало предложение некоей школы, набирающей охранников. Заинтересовало, во-первых, графиком «сутки через трое», во-вторых – размером заработной платы. Недолго думая, Иван отправился на собеседование, которое проходило в здании рекрутингового агентства в одном из офисов, недалеко от городской достопримечательности – Амфитеатра. Ивану было предложено заполнить анкету, состоящую из трех листов разнообразных вопросов, а затем оставить свой контактный телефон. Поскольку у Ивана не было не только какого-нибудь контактного, но и хоть сколько-то бесконтактного телефона, девушка, принявшая у него анкету, предложила ему самому позвонить через пару дней в агентство, чтобы узнать результат. Иван, не особо надеясь на положительный исход, все же позвонил, как ему было указано, и с удивлением узнал, что «по результатам первичного тестирования» его кандидатура одобрена для дальнейшего собеседования, которое должно состояться уже непосредственно в школе.

Направляясь на беседу в школу, Иван решил одеться «как-то посолонней», для чего надел единственный свой костюм черного цвета и белую сорочку. Галстука у Ивана не было, поэтому повязывать на шею ему было нечего. Оправив пиджак, Ваня посмотрел своим прямым и честным взором вглубь комнаты. Зеркало отразило картинку, содержащую изображение вполне достойного молодого человека крепкого телосложения, очевидно заслуживающего работы в сфере образования.

После получасового путешествия на красном юртынском трамвае и непродолжительной пешей прогулки Иван нашел нужный адрес и принялся искать вывеску со словом «школа». «Нужный адрес» представлял собой расположенный на окраине исторической части Юртына одно-двухэтажный особнячок с высокими окнами без каких-либо опознавательных знаков, покрытый полуоблезшей зеленой краской. Обнаружив, наконец, дверь, надо сказать, весьма массивную, Иван смело толкнул ее и оказался внутри. Прямо перед ним за столом сидел охранник, молодой парень, при появлении Ивана сразу же вставший на ноги. На столе перед охранником была подставка для двух флагов, один из которых был российским, а второй, как успел заметить Иван, был белого цвета с синими полосками, в конце коридора виднелась дверь с

надписью над ней «Кошерные продукты» и какими-то явно «ненашими» буквами, справа на стене висело что-то, напоминающее почтовый ящик с загадочной надписью «Цдака».

– Что Вам, молодой человек? – обратился к Ивану охранник.

– Я на работу пришел устраиваться, – ответил Иван. Ответил чуть раньше, чем его мозг смог полностью переработать информацию относительно интерьера помещения, в котором он очутился. А мозг тем временем начал посылать весьма определенные сигналы.

«Куда я попал? Это же это? Это же Они?! Может, ну его, эту работу?!»

– Проходите, пожалуйста. Вам сюда, – отчеканил охранник.

Голос охранника оказался, по-видимому, сильнее внутреннего голоса. Ваня, медленно шагая, немного втянув в голову плечи, стараясь не смотреть по сторонам, повернул вслед за охранником в комнату, которую тот ему указал.

Вадим едет в командировку. Юрятин-Акда. Тот Самый День. Утро

За пару дней до Того Самого Дня в офисе «РосСельГаза» состоялась короткая оперативка, в ходе которой Михал Михалыч, рисуя стрелочки, кружочки и забавные картинки своим желтым советским грифельным карандашом, поставил перед сотрудниками ряд задач:

– Так, Вадим, ты, я, Андрей и Павел едем с Вами в Акду на завод. Значит, твоя, Вадим, задача – разобраться там с директором, Вагизом, посмотреть, что к чему, помочь ему, понять, вникнуть. Баланс там, то, сё. У нас там сейчас валовка 10 тонн в день, надо выйти к концу года на 50 тонн. Мы с Андреем встречаемся с главой администрации местной, будем ломать его по поводу аренды земли под один перспективный проект. Потом все едем на базу отдыха. Там у меня разговор очень серьезный с Спасским по поводу приватизации одного объекта, ну и еще кое с кем. Ясно все?

Откровенно говоря, Вадим особо ничего не понял. Вообще, он не всегда ясно понимал задачи, которые ставил ему его новый руководитель. Но тон Михал Михалыча, каким он задал свой последний вопрос, не допускал никаких возражений и дополнительных уточнений.

– Так, и еще, самое главное, мы тут с Вами все, присутствующие и не присутствующие, долго ломали голову, писали записку о реформировании топливно-энергетического комплекса, как Сергей говорит, взгляд из глубинки, так вот: не зря мы тут мучились, не зря! Записку нашу посмотрели большие люди в Правительстве, о-о-очень большие, там у этих людей президент с премьер-министром мальчишками на побегушках работают, ну и в общем и целом им записка понравилась, скоро поеду в Москву на обсуждение.

Михал Михалыч торжественно осмотрел окружающих, покачал головой, швырнул желтый советский грифельный карандаш на стол и закончил своим постоянным:

– Ну что, всё ясно? Вопросы есть?

Присутствующие промычали «угу», «нет» и начали приготовление к командировке.

Вадим ехал в новенькой вазовской «десятке», за рулем которой находился Андрей Капелюшкин, заместитель генерального директора по молоку, рядом с ним на переднем сидении расположился Павел Серых, заместитель генерального директора по производству. Андрей и Павел были совершенно разными внешне, но было в них что-то общее внутренне, какая-то озорнинка в глазах, уверенность в жестах и богатство цитат из классиков в речи. Особенно сыпал цитатами Андрей, в основном из Ильфа и Петрова. При этом оба казались одновременно еще и какими-то персонажами из ходивших тогда по стране анекдотов про новых русских, как будто они сами себя ассоциировали с героями этих анекдотов и пытались на них зачехлиться. Время, в которое мы живем, накладывает отпечаток на наше поведение; так что в 1920-е годы века Андрей и Павел, наверное, походили бы на нэпманов (хотя, кто его знает, как они выглядели, эти забытые герои прошлого), в 1950-е – на улыбающихся бесшабашных покорителей целины, в 1970-е – на мужественных бородатых геологов, осваивающих бескрайние просторы Сибири, ну а в Том Самом Году им пришлось стать новыми русскими. А Вы-то сами, дорогие читатели, кем были в Том Самом Году?

Вадим, любивший давать людям разные прозвища, почти сразу же после знакомства с Андреем и Павлом назвал их «Бобчинским и Добчинским», разумеется, употребляя сии имена сугубо про себя.

Сидя на заднем сидении автомобиля, Вадим периодически подпрыгивал на кочках, то и дело тестируя головой качество обшивки «десятки». Определенный дискомфорт Вадим также испытывал, поглядывая периодически на спидометр автомобиля и соотнося эту цифру с качеством дорожного полотна. Меж тем «Добчинский и Бобчинский», не обращая внимания на

ямы и кочки, обсуждали вполголоса последние события из жизни РосСельГаз-холдинга. Ловя обрывки фраз из их разговора вроде «Сергей накосячил опять чуток, контракт забыл подготовить», «по психам зачет надо провести, отгрузить им немного гречки», Вадим понимал, что чувствует к этим людям странную смесь легкого презрения и симпатии. Впрочем, преобладала, безусловно, симпатия, но такая симпатия мелкого разорившегося дворянина к народу, после того как дворянин ушел в этот самый народ учить селян русскому языку по учебнику графа Толстого. С их же стороны Вадим ощущал что-то вроде отеческой заботы старого, пожившего уже на этом свете, немного, может быть, подранного кобеля по отношению к мелкому, глупому, но породистому щенку.

Вадим был рад перемене рода деятельности. Ему нравился коллектив, в который он так стремительно влился, что казалось, будто работал здесь всегда. Ему нравилась эта немного грубоватая манера общения окружавших его «заместителей гендира», их желание работать по 24 часа в сутки. Ему самому нравился этот новый темп, при котором всё делается на лету, решения принимаются мгновенно, и все друг другу готовы прийти на помощь. Но, главное, Вадиму очень понравилось работать с Сотниковым. Михал Михалыч один стоил того, чтобы перейти с «тёплого» места из банка в этот бурлящий «хо-о-олдинг», собирающийся при полном отсутствии средств и возможностей, на одной «динамике» «поглотить «Газпром».

Дорога до поселка Акда занимала около двух часов в южном направлении. Примерно на середине пути наши путешественники остановились, чтобы перекусить знаменитыми пирожками на Верхнем перевале. Вадим, радовавшийся хотя бы временному прекращению этой гонки, взял себе пирожок с яйцом и рисом, Андрей с Вадимом взяли по беляшу, несмотря на свои же многочисленные шуточки про отсутствие собак на перевале и намеки на то, что отсутствующие собаки как раз и пошли на приготовление беляшей.

– Ты чего грустишь? – слегка хлопнув по плечу, обратился к Вадиму Павел.

Вадим, откровенно говоря, не любил таких вопросов. «Чего грустишь? Почему такой убитый? Что скис?» и тому подобные слова вгоняли его в ещё большую задумчивость. Он не знал, что ему отвечать. Начинать убеждать всех, что на самом деле он вовсе не грустит, совсем он не убитый и не кислый, выглядело бы по-дурацки, даже как-то унижительно, как и всякая попытка оправдаться за проступки, которых не совершал.

Особой радостностью Вадим действительно не отличался. Не то чтобы он был угрюм, нет, но, скорее, задумчив. Неужели выражение задумчивости было столь неприятно, что многие встречные считали своим долгом зачем-то развеселить его, привести лицо в состояние смайлика? Вадим не понимал этого, на его взгляд, вечно улыбающиеся люди выглядели идиотами. Хотя общим правилом среди его друзей стало как раз повсеместное «улыбание», что, возможно, было вызвано усталостью от нескольких поколений предшествовавшей повсеместной советской тоски.

– Чего такой убитый, говорю? Не грусти, Вадим, ты ведь не абы кто, а Зам Ген дирЕктора пО эконОмике и финАнсам! – четко определяя каждый ударный слог, продекламировал Павел.

– Думаешь о том, как бы снискать нашему холдингу денег на хлеб насущный? Правильно, надо мыслить, нас ведь кормят идеи! Все будет отлично, Вадим! – подошедший Андрей счел своим долгом также подбодрить Вадима и хлопнуть его на всякий случай по плечу. – Щаз приедем на заводик, хлебнем молочка, все решим. Да, господа присяжные заседатели?!

– Да, – вымучил из себя Вадим, глядя в улыбающиеся глаза Андрея.

Конечно, все будет отлично! Как еще может быть, когда тебе двадцать четыре года, ты ешь пирожок с яйцом и рисом на автобусной остановке Верхнего перевала на трассе Юртин – Башкултай, светит яркое осеннее солнце, теплый осенний ветер обдувает тебя, рядом с тобой люди, готовые «все решить», «десятка» ждет пассажиров, бабушка-продавщица бормочет «может, еще пирожок, сыночек?».

В первой половине поездки Вадим и его коллеги слушали в основном «Русское радио», где ведущий утреннего шоу из кожи вон лез, чтобы «сделать вам смешно», как сказали бы, наверное, в Одессе. Андрей с Павлом периодически скалились в ответ на попытки их рассмешить, Вадим смотрел в окно на разросшиеся плантации борщевика.

– Здравствуйте! – раздался в динамиках звонкий голос дозвонившегося слушателя.

– Привет, девочка. Тебя как зовут? – отвечал ведущий.

– Я не девочка, я мальчик!

– Мальчик, девочка, какая, в жопу, разница, – резюмировал ведущий.

Окончания этого диалога наши друзья не расслышали, т. к. автомобиль переехал на другую сторону «перевала», радио зашипело и замолкло.

Андрей привычным движением воткнул в пасть автомобильного проигрывателя кассету, заполнив пустоту внутри машины звуками песни, из текста которой Вадим мог разобрать только «вечерина из цветного пластилина».

– Мужики, ну что вы слушаете? Что это за хрень?

– Это? – переспросил Андрей, – это группа такая, «Отпетые мошенники».

– Ага, «отбитые мошонки», – поддакнул и усмехнулся Павел.

– Может, у тебя своя какая-то музыка есть, а то мы эту кассету уже раз пять туда-сюда переслушали, надоело до жути, – обратился к Вадиму Андрей.

– У меня есть вообще-то, но вам, может быть, не понравится, – неуверенно заметил Вадим.

– Давай-давай, мы чего только не слушали: и Высоцкого, и Nirvanу. Так что не переживай, вставляй свою кассету. Что у тебя там?

– Там сборка, – сказал Вадим, протягивая кассету Андрею, – по совету друзей записал разных исполнителей.

– Ясно, «по совету друзей я приобрел автомобиль «Москвич», – блеснул воспоминанием классики кино Андрей и воткнул кассету Вадима в магнитоу.

Динамики направили в салон веселую динамичную музыку с женским вокалом на каком-то восточном языке.

– Это что, по-китайски? – спросил Павел.

– Это по-японски, – ответил Вадим, глядя в окно.

Несколько минут ехали в тишине.

– Интересную музыку слушаешь, – наконец отозвался Андрей, – а ты, Вадим, чем вообще в жизни интересуешься?

От скуки дорожной возник этот вопрос, или действительно Андрей захотел узнать получше, чем живет его коллега по работе, неизвестно. Вадим в любом случае задумался и ответил не сразу. Андрей для верности, что Вадим услышал его вопрос, быстро, на мгновение, как позволяет дорога, повернул голову в его сторону и убедился, что собеседник не спит.

– Я много чем интересуюсь, – осторожно начал отвечать Вадим, заметив движение водителя, – музыкой, книгами...

– О-о-о! – заметил Павел.

Вадим, довольный тем, что от него отстали коллеги, прикрыл глаза и вытянул ноги, насколько «десятка» позволяла это сделать.

– Знаешь, Вадим, – внезапно снова заговорил Андрей, – ты там будешь общаться с Вагизом, посмотри внимательно его документы, надо порыться у них в бухгалтерии, что-то они мутят...

– Посмотрю, конечно, вроде за этим туда и едем.

– Едем, – задумчиво сказал Андрей, – потому что Михалыч сказал.

Собеседование Большого. Юртин. За два месяца до Того Самого Дня

Иван прошел в небольшую, похожую на офисное помещение комнату, в которой сидели три человека. В момент отворения двери Большой увидел, что к ее косяку приклеена какая-то бумага с характерной символикой, впрочем, рассмотреть её Ивану не удалось, т. к. весьма быстро дверь за ним затворил охранник.

– Проходите, пожалуйста, садитесь, – произнес сидящий в центре, крепко сколоченный и стриженный наголо мужчина.

Внешний вид говорившего благотворно влиял на Большого, в принципе, если бы Иван встретил его на улице, то вполне принял бы за своего, чего явно нельзя было сказать о сидевших справа и слева от мужчины, который, кстати, представился Олегом. По правую руку от него сидел самый настоящий еврей, весь в черном, в долгополой шляпе и с бородой, короче говоря, ровно такой, какими изображают их на всяких картинках про евреев. Слева от Олега сидела женщина с крючковатым носом и темными глазами, сверлившими Ивана из-под стекол очков. Коротко взглянув на соседей Олега, Большой понял, что лучше он будет смотреть только прямо на центральную фигуру.

– Давайте, прежде всего, познакомимся. Вас, как мы уже узнали из анкеты, зовут Иван Сергеевич. Меня зовут Олег, я руковожу охранным предприятием, в которое принимается персонал. Справа от меня ребе Соломон Мейзер, так сказать, духовный наставник учеников нашей школы, слева один из наших преподавателей – Нинэль Семеновна Гельфанд. Расскажите нам, пожалуйста, о себе.

– Здравствуйте, – улыбнулся Большой.

Еще минуту назад он думал бежать отсюда, однако теперь вдруг как-то расслабился, повел плечами, чтобы устроиться поудобнее в кресле, и начал неторопливо отвечать.

– Меня зовут Иван Большаков. Мне 22 года. Что обо мне сказать? Человек я простой. Учился в школе, закончил, кстати, 11 классов. Потом служил в армии. Потом работал, старался во всем помогать семье, в смысле отцу, мама у меня умерла, к сожалению. Я в милиции одно время работал, ну не совсем в милиции, но помогал им, в общем, обезвреживать преступные элементы. У меня жена есть. Вот.

– Очень интересно, – сказал Олег. – Может быть, у Вас есть какие-то хобби, увлечения. Чем Вы интересуетесь?

Мысли в голове Большого не совсем совпадали с ответами, которые он выдавал вовне.

– Я люблю футбол, – в этом кратком ответе вмещалось на самом деле гораздо больше, т. к. футбол для Вани был далеко не только пинанием мяча. Обо все остальном, что его с футболом связывало, например о планируемом «пластало» с екатеринбуржцами, Иван умолчал.

– Я вообще, знаете, за здоровый образ жизни, – сказал вслух Иван. «Вот бухать недавно бросил, а то сопьюсь, как батяня», – он же подумал.

– Музыку люблю. – «Особенно РАК и дэт-металл».

– Посмотрите на разложенные перед Вами цветные карточки, – обратилась к Большому Нинэль Семеновна. – Вытягивайте карточки одну за другой в том порядке, который Вам больше всего нравится.

Иван захотел сначала вытянуть черный, а потом красный, но, слегка задумавшись, понял, что в последовательности цветов заложен какой-то фокус, и потому предпочёл сначала взять жёлтый, потом зелёный, синий и белый. Нинэль Семеновна удовлетворенно хмыкнула и что-то записала в блокнотике.

– Скажите, а как бы Вы охарактеризовали Ваше отношение к национальной проблематике? Как Вы уже, наверное, успели догадаться, у нас не совсем обычная школа. Официально мы называемся «Частная Еврейская средняя школа города Юртина имени Бен-Гуриона».

– Я бы охарактеризовал... своё... отношение... к... национальной проблематике... как... взвешенное и... построенное на всеобщем уважении и толерантности к... великим народам, населяющим нашу Родину.

– Толерантности, – поправила Нинэль Семеновна.

– Да, простите, конечно, – сказал Большой и снова лучезарно улыбнулся.

Слушатели тоже, как по команде, заулыбались и замолчали, очевидно, размышляя над фразой Большого. Первым из спячки вышел ребе Соломон Мейзер, возможно, потому, что он не очень хорошо понимал по-русски.

– Скажите, а если Вы увидите евгея на улица... улице, то какой... какая мысль будет у Вас? – с улыбкой произнес ребе.

Большой подумал, что еврея вот так вот на улице у них в Трудовом поселке около Пушечного завода ему встречать как-то не приходилось, не ходят они так просто у нас там по улицам, разве что Борис Захарович Лебензон – КМС по тяжелой атлетике из Дворца спорта имени Товарища Менжинского, хотя нет, он вроде человек хороший, какой он еврей?

– Я, вы знаете, – по-прежнему стараясь не смотреть на ребе, начал Большой, – вырос в простой трудовой семье... простого рабочего человека... и я... мне как-то не приходит даже в голову, что я мог бы... что мне бы выпала честь... что мне бы повезло настолько, что я...

Нинэль Семеновна прервала Ивана, по-видимому, сочтя ответ Большого удовлетворительным.

– Скажите, а Вас не смущает, что Вы идете работать в школу? Здесь Вам придется находиться среди детей.

– Хочу Вам сказать, что я сам скоро стану отцом, поэтому я в любом случае в будущем буду находиться среди детей.

Сообщение это вызвало новую порцию улыбок среди членов «приемной комиссии».

– Может быть, у Вас есть какие-то вопросы к нам? – спросил Олег.

– Вы знаете, я человек смысленный, думаю, что если Вас удовлетворит моя кандидатура, то в своих трудовых функциях я разберусь, – мягко ответил Большой.

– У вас хогоший костюм, – заметил ребе.

Иван только сейчас понял, что одет примерно так же, как «этот бородатый и волосатый в шляпе». Белая рубашка, черный пиджак.

– Спасибо. У нас с Вами схожие вкусы, – поблагодарил собеседника Большой, глядя на Олега.

Через десять минут Большой и его собеседники окончательно расслабились, речь потекла просто и непринужденно, сначала, как мелкий ручеек, полный камешков, затем, как горная речка, а под конец разговора речка разрослась до размеров Камы в районе Пушечного завода. Большого о чем-то спрашивали, показывали какие-то картинки, но при всем том с определенного момента собеседования Иван ясно почувствовал, что его потенциальные работодатели стали работодателями явными. При этом, слушая себя, оглядывая себя внутренним взором, он неожиданно понял, что ничуть не удивляется происходящему: ни этой своей улыбчивости, ни верности ответов. Где-то был в нем запрятан тонкий душевный камертон, позволяющий настроиться на нужного человека. Большой, скорее, чувствовал это, чем осознавал. «Ладно, будь что будет. Лучше уж у них, чем совсем без работы. Только поцикам пока не скажу», – размышлял Иван.

Вадим и его коллеги на маслосырзаводе. Акда. Середина Того Самого Дня

ООО «Маслосырзавод «Акдинский» в лице его исполнительного директора Вагиза Рифовича Аминова встретил Вадима и его спутников по-восточному радушно. В кабинете исполнительного директора на столе стоял чайный набор, а также ваза с печенюшками и конфетами. Гости быстро втянули в себя по чашке чая и отправились на осмотр завода. Гостеприимный хозяин шел впереди, комментируя осматриваемые помещения.

– Вот тут у нас раздевалочка, переодевайтесь, пожалуйста. Тут вот халатики можно надеть, пожалуйста, надевайте. Вот еще шапочку возьмите, на голову, да. Все у нас соответствует СНИПам, все должно быть чистенько, опрятненько. Сами понимаете, молочное производство. Здесь вот молоко поступает, вот тут вот привозят, видите, там машина останавливается, значит, потом вот сюда молоко поступает и тут в этот контейнер выливается. Да, вот по этим трубам дальше идет. Вот сюда, пожалуйста, здесь уже у нас казеиновый цех начинается. Жарко тут, да, вот это по технологическим причинам. Тут так должно быть. Это что? Это ванны такие для первичной переработки молока, тут вот происходит отделение белка от сыворотки. Да, потом сюда поступает, переходите в это помещение, пожалуйста. Здесь уже сушка, а тут вот уже готовый казеин, высушенный, в мешки пакуем, взвешиваем вот.

Вадим послушно переходил из комнаты в комнату, редко задавая вопросы, без особого внимания выслушивая ответы. Процесс превращения коровьего молока в некий «казеин» интересовал его так же, как, например, процесс превращения сырой нефти в бензин. Вадим привык всё оцифровывать, так что рассказ Вагиза Рифовича в его голове постепенно трансформировался в таблицу формата MS Excel, содержащую данные о количестве поступившего молока, покупной цене, НДС, количестве вырабатываемого казеина, его продажной цене, итоговой суммы прибыли. Одновременно с осмотром рабочих помещений завода Вадим рассматривал последний баланс предприятия, который незадолго до этого ему передал Вагиз Рифович. Увиденное в балансе, вкупе с последними данными о продаже казеина, во-первых, не радовало по причине отсутствия прибыли, во-вторых, не совпадало по существенным позициям с тем самым бизнес-планом, который Вадим полтора месяца назад презентовал Михал Михалычу. Вполуха слушая Вагиза Рифовича, Вадим пытался понять, в чем суть ошибки в его расчетах.

– А кто у Вас основной поставщик молока, Вагиз Рифович? – поинтересовался Вадим.

– Колхоз имени Ильича.

– Я почему спросил: у Вас бо́льшая часть молока покупается почему-то на рубль дороже, чем у других поставщиков, это, наверное, и есть молоко от этого колхоза?

– Ну да.

– А почему так?

Вопрос, с такой легкостью заданный Вадимом исполнительному директору ООО «Маслосырзавод «Акдинский», точнее, вот эта сама легкость вопроса, а также настороженная реакция присутствовавших выдавали в Вадиме новичка, не знающего чего-то такого, что все знают, или делают вид, что знают, но молчат, или, по крайней мере, подозревают и говорят втихомолку.

– Ну да, цена немного больше тут, да, – как бы ответил Вагиз Рифович.

– Я вижу, что больше, вы мне скажите, почему?

– Тут, видите, Михал Михалыч в курсе, есть определенные отношения с Миннегалеевым Равилем Юсуповичем.

– С главой администрации что ли? А он тут при чем?

– Ну, Вадим Петрович, Вы тут человек новый, не знаете многого. Равиль Юсупович раньше директором этого колхоза был, ну и попросил за свое родное предприятие, значит. Как говорится, радуется за дело свое.

– За свое. Ясно. А вот еще у вас выбраковка большая очень. За прошлый месяц – десять процентов брака. Как так? Молоко что ли прокисшее привозят? Тогда зачем Вы его берете?

– Это нет, не то. Молоко нормальное. Просто иногда у нас происходят сбои, неполадки в производстве, разные ситуации природного характера... так сказать, катаклизмы.

– Природного? – не понял Вадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.